

Ночь Сварога

Василий Сахаров
Северная война

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Сахаров В. И.

Северная война / В. И. Сахаров — «Центрполиграф»,
2016 — (Ночь Сварога)

Прозвучали призывы Бернара из Клерво и папы римского Евгения. Они объявили Крестовый поход против славян, и главный его девиз: «Крещение или смерть!» Тысячи воинов со всей Европы двинулись на север. А ведут их короли – германский Конрад и французский Людовик. Кажется, остановить Крестовый поход невозможно, слишком много воинов желает уничтожить непокорных венедов и захватить их богатства. Однако славяне так не считают. Они готовы встретить врагов клинками, и к ним на помощь спешат союзники из Новгорода и Швеции, пруссы и финны. Навстречу крестоносцам выдвигаются дружины лучших воинов. Эти отряды приносят войну на землю католиков, и вместе с ними в бой вступает витязь Вадим Сокол из Рарога, который уверен, что сможет изменить ход истории и защитить земли славян.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Сахаров В. И., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Василий Сахаров

Северная война

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Сахаров В. И., 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Пролог

Бремен. Лето 1146 от Р. Х.

Держать строй! Десятники, куда смотрите, мать вашу?! Пики по одному уровню! Щиты не опускать! Сгною! Седрик фон Зальх, широкоплечий двадцатилетний рыцарь в слегка потёртом тёмно-сером камзоле и заправленных в высокие чёрные сапоги штанах, смотрел на свою сотню, которая шагала по плацу и пыталась идти в ногу, но пока лишь тупо взметала столбы пыли, и злился. Разбавленные славянами из племени древан саксонские крестьяне, безмозглые скоты, никак не желали понимать, что в настоящем бою они уже были бы мертвы. Эти люди, которых насильно поставили в строй, не хотели становиться воинами. А молодой сотник подошёл к порученному делу, обучению новобранцев, с полной ответственностью. Поэтому уже две седмицы подряд не покидал казарм, где были расквартированы боевые отряды бременского архиепископа Адальберта, и гонял своих подчинённых в хвост и гриву. Он прекрасно помнил, как немногим более двух лет назад проклятые язычники полностью уничтожили армию пфальцграфа Фридриха Саксонского и разгромили войска Адольфа Шауэнбургского и Германа фон Штаде. И юноша не забыл, как ему вместе со своим покровителем монахом Максимилианом Улексом пришлось бежать из Венедии. Эти неприятные воспоминания часто бередили душу Седрика и поначалу даже заливали лицо юноши краской стыда, ведь его первая военная кампания закончилась бесславным возвращением на родину. Однако со временем он постарался смириться с этим и всегда верил, что настанет день, когда войска благочестивых католиков вернутся в земли язычников и покарают нечестивых варваров. Так должно случиться, и этой цели он посвятил всю свою жизнь. Словно одержимый, Седрик готовился к новым сражениям с венедами, поэтому два года пролетели для него, словно один миг.

По протекции Улекса молодой рыцарь поступил на службу к архиепископу Адальберту, много тренировался, изучал военное дело и выполнял опасные задания своего щедрого нанимателя. А недавно получил в подчинение пехотную сотню пикинёров. Хотя назвать отребье, которое оказалось под его командованием, воинами пока нельзя. Десятники – сплошь проштрафившиеся дармоеды из городской стражи, саксы – беженцы из окрестностей разорённого венедами и сожжённого дотла Ольденбурга, а лужичане – потенциальные предатели и дезертиры, мечтающие о побеге. Каким образом из таких людей можно сделать бойцов? Только постоянной муштрой, битьём и угрозами. Иначе никак. Седрик усвоил это сразу же и делал всё, что только мог. За четырнадцать дней он сломал о спины будущих пикинёров восемь крепких палок и лишил десятников четверти жалованья. Такими методами рыцарь заработал среди подчинённых репутацию злого и жестокого человека, приказы которого должны выполняться мгновенно и беспрекословно. Его ненавидели и боялись, и если бы не находящиеся рядом наёмники архиепископа, профессиональные псы войны, которые служили за деньги, бойцы давно попробовали бы убить своего начальника. Но пока это было невозможно, и сотня, отхаркивая пыль, раз за разом, повинаясь своему молодому командиру, выполняла манёвры и ждала наступления вечера.

Перед серой деревянной стеной казарменного барака пикинёры замерли. Длинные копья в их руках подрагивали, а большие прямоугольные щиты всё время норовили сползти с левой руки. Десятники косились на грозного сотника, который держал левую ладонь на рукояти меча и прохаживался позади строя, а Зальх набрал в грудь прогретый летней жарой воздух и выдохнул:

– Поднять пики! Кру-гом!

Наконечники пик поднялись, и отряд развернулся лицом к командиру. Сто десять человек, стараясь ничем не выделяться от соседей, ждали новой команды Седрика, а тот соби-
рался провести разбор манёвра и показательно наорать на одного из десятников. Однако процесс обучения был прерван.

– Зальх! – услышал Седрик и оглянулся.

В нескольких метрах от него стоял Людвиг фон Уттенхайм, кряжистый тридцатилет-
ний шваб в запоминающемся ярко-синем плаще, умелый воин, ещё один протеже Макси-
милиана Улекса и единственный близкий юноше человек во всём многолюдном Бремене. Седрик не видел товарища, который являлся личным гонцом архиепископа, уже несколько
дней, поэтому обрадовался ему и, отдав одному из десятников приказ продолжать трени-
ровку, направился к Уттенхайму.

– Здравствуй, Людвиг, – поприветствовал он приятеля.

– Привет, Седрик, – откликнулся Уттенхайм и кивнул на выход из огороженного невы-
соким частоколом казарменного городка: – Пойдём, к тебе есть серьёзное дело.

– Что ж, давай прогуляемся, – согласился юноша.

Рыцари покинули располагавшиеся на окраине Бремена казармы и, не торопясь, напра-
вились в центр города, где рядом с собором находилась резиденция архиепископа. Седрика
снедало нетерпение, он хотел узнать, по какому поводу его навестил Людвиг, и вскоре юноша
спросил Уттенхайма:

– Так какое у тебя ко мне дело?

– Лично у меня, – усмехнулся Людвиг, – никаких поручений к сотнику Зальху нет, а
вот у нашего благочестивого архиепископа есть.

Юноша понял, что Уттенхайм поддразнивает его, хочет потянуть время, поэтому шут-
ливо толкнул приятеля в бок:

– Ладно, не тяни. В чём дело? Мою сотню хотят увеличить за счёт нового тупого мяса,
которое бедному Седрику фон Зальху придётся дрессировать?

– Нет. Командование сотней деревенских баранов ты передашь другому командиру.

– Вот как?! – удивился Зальх. – А чем же займусь я? Стану, подобно тебе, развозить
по империи личные письма архиепископа?

– И снова нет, Седрик. Твою персону желает видеть наш добрый король Конрад Третий,
который сейчас находится во Франкфурте, и Адальберт отправит тебя к нему.

– Откуда король знает обо мне и что ему нужно от обычного бедного рыцаря, подобных
которому вокруг его двора тысячи?

– Пока Конрад Гогенштауфен ничего не знает о Седрике фон Зальхе, всё гораздо проще.
Недавно он повелел прислать к нему десяток опытных воинов, которые воевали с венедами,
но больше всего король заинтересован в тех, кто находился в армиях Фридриха Саксонского
и Адольфа Шауэнбургского. Наверное, он желает услышать рассказ о поражении наших
войск, гибели пфальцграфа и разгроме гольштейнцев.

– А зачем ему это?

– Ну-у-у... – протянул Людвиг, – я могу только предполагать, чем вызван его интерес.

– Так поделись своими догадками с другом. Мы ведь друзья?

– Конечно, друзья. – Уттенхайм оглядел улицу, по которой они шли, подмигнул дород-
ной румяной барышне в белом переднике, стоявшей у открытого окна, дождался, пока она
улыбнется ему в ответ и скроется в глубине комнаты, и продолжил разговор: – Седрик, то,
что я тебе скажу, не надо знать никому постороннему. Это не секрет, но наш наниматель не
любит, когда его воины начинают распускать языки.

– Это я знаю. Усвоил с первых дней службы.

– Вот и хорошо. Слушай. Новый папа, Евгений Третий, ученик Бернара Клервоского,
немного окреп и собирается призвать католиков к Крестовому походу. Во Франции, Италии

и западных частях империи выступают проповедники, которые будоражат простолюдинов и дворян. Народ бурлит, повсюду куётся оружие, собираются воинские отряды, и выходят из лесов разбойники, которым обещано прощение грехов. Скоро грянет буря. Вот только Конрад Третий не желает участвовать в этом походе, слишком много у него проблем в пределах государства. Однако отсидеться в стороне ему не дадут. На короля будут давить, и он, пока в запасе есть немного времени, имеет желание как можно больше узнать о нашем противнике. Ну и, совершенно естественно, для этого ему нужны свидетели, которые принимали непосредственное участие в последних крупных боях с язычниками...

– Значит, Крестовый поход будет против венедов? – прервал приятеля Зальх.

– Да.

– Наконец-то! Свершилось! Слава Богу! – Седрик остановился и вскинул руки к небесам. – Благодарю тебя, Господи! Ты воистину велик!

Уттенхайм, знавший о горячем желании юноши вновь сразиться с северными язычниками, улыбнулся и хлопнул его по плечу:

– Пойдём, нечего славить Бога на улице, в соборе помолишься.

– Да-да, – кивнул Зальх, и как только рыцари вновь пошли, задал Людвигу ещё вопрос: – А как же Святая земля?

– В Иерусалим тоже отправятся воины Господа нашего. Однако основной поход будет против венедов. Думаю, ты понимаешь почему.

– Конечно. Язычники стали слишком сильны, и, наверное, святые отцы церкви считают, что сначала надо навести порядок в Европе, а только после этого заниматься сарацинами и маврами. Мы, те, кто живёт вблизи венедских границ, видим это очень ясно, а вот то, что наши беды заинтересовали Рим, вызывает у меня удивление.

– Новый папа – новые веяния, а Евгений Третий – достойный ученик своего наставника Бернара из Клерво. Хоть и поганый итальяшка, но в голове и за душой что-то есть.

– А Улекс тоже отправится ко двору короля?

– Нет. Священнику это ни к чему.

– Понятно. А когда я должен двинуться в путь?

– Наверное, завтра. Но перед этим ты поговоришь с архиепископом, получишь новую одежду и немного денег, чтобы при королевском дворе воин Адальберта Бременского не выглядел нищепродом.

Вскоре рыцари достигли городского собора, величественного каменного храма, откуда доносилось пение церковного хора. Чистые юные голоса славили Господа, и когда наёмники Адальберта Бременского, перекрестившись, вошли внутрь, то увидели, что в храме находится несколько десятков человек, в основном постоянные прихожане святилища. Воины встали у стены в ожидании завершения службы, чтобы переговорить с архиепископом, каждый размышлял о чём-то своём. Седрик смотрел на красивую фреску, украшавшую высокую колонну рядом с ним. На ней был изображён рыцарь в полном боевом облачении и с мечом в правой руке. Он был готов поразить огромного чёрного змея, в зубах которого находилось тело обнажённого человека. Разглядывая роспись, Зальх подумал, что вскоре точно так же, как этот святой воин, он выйдет на бой с язычниками и поразит их своим клинком. Всех, до кого только дотянется, ибо в этом, как говорит Максимилиан Улекс, его предназначение – служить Господу силой оружия.

Глава 1

Руян. Лето 6654 от С. М. 3. X.

Над головой чистое синее небо и жаркое полуденное солнце. Подходящий к концу серпень (август) в этом году был на редкость добрым, и погода стояла просто замечательная. Дождей не было, на море тихо, урожаи на полях небывало богатые, и в пределах Венедии, государства западных славян, объединившихся ради своего выживания, ни одного катаклизма. На границах с католиками тишина, люди спокойно занимаются своими делами, и только лихие мореходы, в основном из варягов и бодричей, продолжают войну с европейцами. В общем, благодать.

Однако мне, воину Яровита, владельцу зеландского Рарога и пришельцу из двадцать первого века Вадиму Соколу, известно, что это затишье перед бурей. Вот-вот новый глава католической церкви объявит против славян Крестовый поход, и сотни тысяч ублюдков, как безродных, так и благородного происхождения, словно цунами, обрушатся на нас. Поэтому, как только я получил сообщение голубиной почтой, что верховный жрец Святовида старый мудрец Векомир желает меня видеть, сразу же направился в Аркону. Понятно, что волхв, который для венедов нечто среднее между кардиналом Ришелье и товарищем Сталиным, просто так меня дергать не станет.

Флагманский корабль моей эскадры, захваченный во время прошлогоднего похода в Европу, большой драккар «Каратель» домчал меня до места всего за сутки. Вместе с несколькими телохранителями, вагром Ястребом, который больше известен как Немой, и покинувшим побитый штормами старый шнеккер «Яровит» командиром «Карателя» Ранко Самородом я сошёл на берег и вскоре оказался в городе.

Мы шли по узким улочкам мирной многолюдной Арконы, которая с недавних пор вновь стала святым городом не только для ранов, бодричей, лютичей и поморян, но и для всех обитателей Венедского моря. Люди вокруг нас, в большинстве местные жители, прекрасно знали, кто я такой, и встречали меня как своего. Это приятно, и скажу как есть, мне нравилось, что почтенные мамыши показывали знаменитого (ни больше ни меньше, поскольку до легендарного я ещё не дорос) Вадима Сокола своим детям и ставили меня в пример. От этого позитива, в котором я буквально купался, а также от улыбок людей на душе становилось светло, и проблемы отступали. Впрочем, всерьёз расслабиться не получалось. Давно уже. С тех самых пор, как я выбрал свой путь. И вроде бы всё есть: семья, любимая женщина, дети, друзья-товарищи и достаток, а покоя нет и не будет, пока висит над нами страшная угроза.

Мы подошли к храму Святовида. Витязи дежурной сотни, которые были извещены о моём возможном появлении и с лёгкой завистью смотрели на однотипную форму моих дружинников – чёрные суконные кители с матерчатыми погончиками и заправленные в ботинки с высоким берцем свободные брюки – пропустили нас внутрь. Ранко, Немой и дружинники направились в храм, а я обошёл святилище и вышел на скалу, где в тёплое время года обычно находился Векомир. Это мне известно, поскольку в своё время я жил на территории храма и старого волхва знаю давненько.

Я не ошибся. Векомир, худой, совершенно седой длиннобородый старец в перетянутой ремнём белой рубахе, действительно был там и наблюдал за морем. Он сидел в своём удобном глубоком кресле, справа и слева от которого стояли ещё два, потихоньку пил какой-то пахучий травяной настой, время от времени покашливал в платок и о чём-то размышлял.

«Сдаёт старик», – машинально отметил я его худобу и кашель и подошёл к старцу, остановился рядом и слегка поклонился:

– Здрав будь, Векомир.

Волхв посмотрел на меня и кивнул:

– И тебе не хворать, Вадим. Присаживайся, поговорим.

Я сел в обитое тёмным английским сукном мягкое кресло в ожидании, что жрец сразу перейдёт к делу, ради которого вызвал меня, однако он не спешил. Векомир сделал очередной глоток настоя и спросил:

– Давно из похода вернулся?

– Седмицу назад.

– И как сходил?

– Неплохо. Прогулялся до самой Бретани, несколько деревень пожёг и пару замков разорил, а потом между Англией и Ирландией прошёлся и несколько кораблей взял. Добыча знатная, хотя и не такая богатая, как раньше.

– И какой это у тебя по счёту поход в Ла-Манш?

– Четвёртый.

– Ну а так, вообще, что у тебя происходит?

«Зачем ему мои дела? – слегка удивился я. – Может, просто время тянет? Да, скорее всего так и есть. Наверное, будет ещё один гость, а пока мы его ожидаем, можно и поговорить. Тем более что от волхва у меня секретов нет, слишком многим я ему обязан».

– Много чего происходит, – начал я. – Жена по весне дочь подарила, назвали Ярославой, и тогда же караван вернулся, который я в Студёное море посылал. Старшим там Корней Жарко был, и всё у него сложилось по уму, в Северную Двину вошёл и в Иван-погосте с новгородцами расторговался. Он поморам железо, гвозди, соль, парусину и ткани предлагал, а они ему – меха, китовую ворвань и моржовую кость. Два когга и кнорр с драккаром под самую палубу товарами забил.

– А сбывал всё это богатство кому?

«Ведь знает хитромудрый старик, с кем я дела веду, а всё равно спрашивает. Ладно, отвечу».

– Датскому купцу Маргаду Бьярниссону, который некогда у меня в плену побывал. Он сейчас в городе Рибе обосновался и свою торговую контору открыл. Торгую с ним, само собой, не под своим именем, всё проходит через факторию ладожских Соколов, так что приличия соблюдены. Датчане в настоящий момент бедствуют, до сих пор после налётов Никлота и Мстислава не восстановятся, поэтому за малейшую возможность и цепляются, чтобы свои дела поправить, и берут почти любой товар. Меха, воск, пенька, мёд, янтарь и шведское железо европейцам нужны, а Ольденбург с Любеком разрушены.

– Они эти товары германцам перепродают?

– Да.

Векомир прищурился, посмотрел на солнце и задал новый вопрос:

– Сколько у тебя сейчас воинов?

– В старшей дружине, которая получает жалованье по старым расценкам, четыреста воинов. Это моя гвардия. В младшей дружине – триста пятьдесят человек. Всем униформу пошил и погоны, о которых тебе говорил, ввёл. Правда, пока без знаков различия.

– И что дружинники?

– Сначала немного поворчали, мол, все друг на дружку похожи, а теперь уже привыкли и гордятся, что от остальных венедов отличаются.

– А с кораблями что?

– Кораблей сейчас одиннадцать. Шнекеры «Яровит» и «Кресс» используются для патрулирования и обучения варогов. Три драккара «Каратель», «Перкуно», «Святослав» и шнекер «Соколёнок» – боевые корабли. Ещё есть два нефа, пара военно-грузовых коггов и один кнорр. Помимо этого на верфи строят совершенно новый корабль, большое океанское судно

вроде каракки. Что из этого получится, пока не знаю. Но мастера заверяют, что сделают именно то, что мне нужно.

– Ну а как твои вароги поживают?

– Датский молодняк учится воевать, убивать и чтить Яровита. Вскоре думаю первую полусотню из старших возрастов в дело бросить, чтобы кровушки вражеской немного пролили.

– А ты не думаешь, что они могут обернуть оружие против тебя?

– Думаю, конечно. Причём постоянно. Поэтому за варогами присматриваю даже больше, чем за собственными детьми.

– Угум! А по хозяйству что?

– Развиваюсь потихоньку. Бумажное производство перетащил в Рарог, и Блажко там уже всё отладил. Крестьяне не бедствуют и снабжают город продовольствием. Сейчас каменные башни строим и третью ветрянную мельницу. Лесопилку налаживаем и расширяем меловой карьер. Огненные смеси производим, кислоты начинаем делать, и красители свои, а скоро порох появится. Рыболовецкую артель организовал и зимой попробую рыбий жир получить. Кузнецы куят оружие, инструменты и всё, что нужно в хозяйстве. Ткачихи приставили к делу молодых датчанок. В прошлом году Гончарная слободка появилась и пару трактиров с постоянными дворами поставили, а в следующем – кирпичное производство, если получится, надо организовать. В храме Яровита уже полтора десятка служителей, все молодые и рьяные, учат варогов и молодёжь из городка. В общем, нормально всё, не без дурости, конечно, и со своими трудностями, но дело идёт. Что-то покупаем, а что-то продаём. На вывоз мясо и солонина, льняные ткани, водка, гвозди, скобы и оловянная посуда, да трофеи с походов, а ввозим смолу и железо, строительный камень и соль, клей и кожу. От соседей приезжают мастера к нам учиться, и мы им рады, что не тайна, всем делимся. Ведь народу это на пользу, а европейцы за нами всё равно не успеют. Времени вот только постоянно не хватает, а так живём хорошо...

Прерывая меня, Векомир закашлялся, затем сделал пару глотков настоя и мотнул головой:

– Тяжко... Дряхлею я, недолго мне жить осталось... Год-другой – и отправлюсь к богам. Вот только неизвестно, к каким... К Святovidу в Ирий или в Пекло к Чернобогу...

– За что же тебя в Пекло? – удивился я.

– А зачем я великим предкам нужен, если не сберегу свой народ от крестоносцев?

– Ты делаешь, что можешь, так что насчёт этого переживать не стоит.

– И всё же иногда проскакивает мыслишка, что слишком мы медлительны, а главное, дума тяжкая меня гнетёт, что некого после себя верховным жрецом оставить. В Ночь Сварога люди становятся слабее, больше на оружие и хитрость полагаются, а в День – всё наоборот отыгрывается. Железо прежней власти уже не имеет, и во главе всего ставится кровное родство и сила духа. Поэтому всё меньше среди нас не только венедов, но и других народов, людей, способных к волхованию. Да и мы, кто помнит прежние времена, слабеем, многое забываем и теряем свои знания.

– Но, теряя одно, всегда можно приобрести нечто другое. Да и преемника ты себе можешь найти, пусть не волхва, а самого лучшего воина в храме.

– Это да, так, наверное, и придётся поступить. Однако не об этом я с тобой хотел поговорить, Вадим. О моём преемнике и о том, что будет потом, мы опосля беседу заведём, а сейчас потолкуем об ином.

– Я готов. Что-то нужно сделать?

– Да. Скажи, что ты знаешь о полоцком князе Василько Святославиче?

– Почти ничего. В прошлой жизни он не совершил ничего великого, и я его не запомнил, а в этой слышал о нём кое-что краем уха.

– Что именно?

– Что человек он в возрасте и сидит в Полоцке. Что он внук Всеслава Брячиславича, князя-оборотня и великого чародея. Что дочь свою недавно выдал за одного из Ольговичей, кажется, за Святослава, сына Всеволода. Что с Мстиславичами дружен, а по молодости он служил у ромейского императора и был неплохим полководцем. Вот, пожалуй, и всё. А в чём интерес к этому слабому Рюриковичу на окраине Руси?

– В том, что осенью прошлого года он тайно прибыл на Руян. Князь Василько был болен и искал исцеления у наших волхвов. Ему помогли и вылечили от хвори. После чего он отрёкся от чужой веры и всю зиму провёл в Коренице, в храме Яровита, а ранней весной приехал в Аркону. Мы с ним встретились, и он изъявил желание помочь Венедии в отражении католической угрозы.

– Я об этом ничего не знал.

– Тебе и не надо было знать. Событие не ахти какое, и мы держали его в тайне. А тебе за военными делами в Арконе бывать некогда.

– Это правда, некогда. А Василько Святославичу можно верить?

– Можно.

– И в чём выражается его помощь? Он желает стать военачальником?

– Нет. От болезни князя Василько исцелили, а вот годы и шрамы от полученных в молодости ранений при нём остались. Поэтому всё, что он может, – это давать советы и помогать нам в наёме воинов, не только на Руси, но и в степи.

– В Тмутаракани?

– Эх, Вадим, – вздохнул старик, – ты за походами света белого совсем не видишь. Тмутаракань вот уж тридцать лет как под ромеями. Продали Рюриковичи своё наследие от Святослава Игоревича братьям во Христе. За монету медную Тмутаракань отдали, и все рода славянского корня, что там жили, теперь либо империи служат, либо ушли к половцам. Кто в Приднепровскую орду, кто в Лукоморскую, кто в Донскую. А иные на Русь подались. Поспрашивал бы ты своих дружинников из Киева об этом.

– Спрашивал уже. Но прав ты, Векомир, за своими заботами забываю про дальние земли.

– Вот-вот.

Волхв покачал головой и огладил бороду, а я поинтересовался:

– Так что там с воинами и Василько Святославичем?

– Среди степняков у князя много друзей, которые стали вождами и атаманами. Большая часть их в разные годы вместе с ним во славу императора Ионны сражалась, и Василько отослал им письма с предложением послужить Венедии. Кроме того, послания были отправлены некоторым русским князьям. – Векомир опять зашёлся в сильном кашле, прижал к губам платок, сплюнул в него, снова выпил целебного настоя и продолжил: – Несколько дней назад был получен ответ от некоторых вожаков и одного князя. Все они готовы повоевать за веру предков и серебро, поэтому через два месяца около пятисот воинов придут в Новгород.

– С наёмниками понятно, а что за князь готов с католиками биться?

– Иван Берладник. Знаешь такого?

– Этого знаю, личность заметная. Первый служилый князь из Рюриковичей. Пару лет назад сидел в Звенигороде, а потом сцепился с галицким князем Владимирко и захватил его город. Однако не удержал добычу и лишился всего, что имел. С тех пор бегает по границам Руси и готов предложить свой меч и услуги дружины из верных людей любому, кто позвонит кошельком. Я ладожских Соколов просил отправить вербовщиков в Берлады, где Иван Ростиславич после бегства из родных краёв прятался, но они не справились. Первый посланец в дороге сгинул, а второй князя в Берладах не застал. Он вроде как на Киев к Ольговичам

ушёл, которые обещают его обратно в Звенигороде на княжеский стол посадить. Вот только ничего у них не выйдет. В этом году старшим Ольговичам конец придёт.

– Это если в Киеве всё, как в знакомой тебе истории, сложится.

– Да. Но, скорее всего, всё именно так и будет. Ведь там ничего не изменилось. Народ по-прежнему не любит Всеволода и презирует его брата Игоря. – Я кинул взгляд на море и вернулся к теме: – Ладно, Ольговичи полягут, и пусть. Они мне не интересны. Что с Берладником?

– С ним всё договорено. Князь не хочет менять веру, но готов воевать за серебро. С ним сотня лихих дружинников, и он опытный вояка, жадный и резкий, но биться с католиками будет.

– А я здесь при чём?

– При том, Вадим, что этих воинов, и степняков, и дружину Берладника, я хотел бы отдать под твою руку.

– У меня дружина уже имеется, и мне её пока хватает. Пусть Берладника и степняков Мстислав возьмёт, а лучше Никлот, у которого есть серьёзная кавалерия. Зачем они мне?

– А затем, Вадим, что там, – жрец кивнул в сторону материка, – уже готовы к войне. Ты это понимаешь, точно так же, как и то, что следующее лето будет кровавым. В Ла-Манш пойдёт только несколько одиночных кораблей, которые станут англичан и франков пугать, а все крупные ватаги останутся здесь и будут биться на суше. Правильно говорю?

– Верно.

– Значит, и ты останешься, а если так, то тебе нужно больше воинов.

– Это так, не спорю. Однако я думал через ладожан поднаём провести. Весной полсотни охотников в Новгород придёт, и осенью пара сотен. В итоге тысяча воинов у меня будет.

– Бери всех, кто есть, и тех, что Василько пригласил, и тех, кого ладожские купцы приведут, и тех, кого сам найдёшь. Потери будут огромные...

– Векомир, пойми меня правильно. Я не против воинов. Но степняки – всадники, а у меня пехота.

– Ты не дослушал меня.

– Понял. Молчу. Внимаю.

– Наши князья хотят вести войну на вражеской территории. По крайней мере, до тех пор, пока будет такая возможность. Как только с полей сойдёт снег, так наши отряды начнут наступление на врага. Большая часть сил останется на месте, а наиболее подготовленные и лихие воины под командой самых удачливых вождей вроде тебя станут уничтожать католиков, вытапывать посевы, жечь посёлки и склады с продовольствием. Лучше всего для этого подойдёт лёгкая конница, которая воюет вместе с хорошо подготовленной пехотой, привычной к большим переходам. Так что готовься, Вадим. Если ты с нами, будет тебе команда бить врага на его же земле. У Мстислава отряды для такой войны уже есть. О Никлоте ты правильно сказал, у него превосходная конница. Лютичи могут выставить лесовиков, поморяне – щитоносцев, а вольные вожди – кто что соберёт.

– Но у меня лошадей нет, – попробовал я ещё раз возразить Векомiru.

– Будут тебе лошади, а чтобы наладить взаимные действия пеших дружинников и конников, у тебя есть вся зима и большая часть весны.

– А платить наёмникам кто станет?

– Пока война и подготовка к ней – из храмовой казны, а дальше посмотрим.

– Ясно. Когда мне в Новгород отправляться?

– Через месяц. Сейчас с князем Василько познакомишься, договоритесь с ним о сроках, прикинете, когда торговый караван с Руяна пойдёт, и вдвоём отправитесь в путь-дорогу.

Время, понятное дело, будет уже осеннее. Но у тебя мореходы опытные, да и сам ты не промах, значит, справишься.

– Ага, – покивал я и спросил старца: – Векомир, и всё же я не понимаю, почему эти воины должны быть под моей рукой? Они мне пригодятся – это ясно. Однако ты мог бы отдать наёмников своему сыну Идару или кому-то из близких к тебе вожаков. Отчего мне такой подарок – и воины, и лошади, и оплата найма?

– А ты сам до сих пор не понял?

– Нет. Могу разобраться в хитросплетениях твоих мыслей, но свободного времени на это не имею.

– Я же сказал, что мне преемник нужен, а его нет...

– И что? Я воин Яровита, а не Святовида. Так что в любом случае не смогу заменить тебя.

– Дело не в том, кто и какого бога превыше остальных ставит, и даже не в том, кто станет следующим верховным жрецом. Недавно мы встречались с Огнеяром, и он сказал, что ты можешь прожить очень долгую жизнь и даже пережить Ночь Сварога. А раз так, то у тебя есть возможность стать великим князем. Не только по титулу великим. Но и по делам. К чему веду, понимаешь?

– В общих чертах. Вадим Сокол проверен делами, и с ним говорил Яровит. Он станет грызть глотку врагам даже тогда, когда на это не останется сил. Отступать ему некуда, и когда-нибудь он может стать главой Венедии и её охранителем, разумеется, если раньше крестоносцы не перебьют нас. А коли так, то для рывка наверх ему нужны деньги, большая дружина и великая слава, которая сделает его князем, который будет равен Никлоту, Рагдаю, Мстиславу и Прибыславу. Правильно?

– Всё верно. Так я и думаю.

– А потяну ли я такое дело?

– Кто знает, Вадим? Возможно, нет. Может, я ошибаюсь. Однако то, что вижу сейчас, мне нравится. Ты силен, честен и храбр. Умеешь думать, хотя многое упускаешь. Рвёшься в бой и готов отдать ради нашего народа самое ценное, что есть у человека, саму жизнь. И глядя на то, как ты на ровном месте построил Рарог и создал крепкое войско, мы, волхвы, решили, что Вадим Сокол будет хорошим великим князем Венедии.

– А если я изменюсь, власть развратит меня?

– До этого ещё дожить надо, что в наши беспокойные времена весьма мудрено, – попробовал уйти от ответа Векомир, но я настоял:

– И всё же, волхв, скажи, что будет тогда?

– Хочешь услышать моё мнение? Ладно, слушай. Если через много лет ты станешь правителем Венедии и начнёшь превращаться в чудовище, тебя уничтожат, словно бешеного пса.

– Витязи?

– Они самые.

Я усмехнулся:

– Твои слова услышаны, верховный жрец, и я над ними подумаю.

– Обязательно подумай, а пока давай встретим князя Василько.

Обернувшись, я увидел, что к нам, в сопровождении одного из храмовников, приближается невысокого роста русоволосый старик. Черты лица правильные. Лицо округлое, с бородкой и усами. Подстрижен коротко. Спину держит прямо, шаг твёрдый. Глаза голубые, и есть в них нечто звериное, может, от прадедушки Всеслава Чародея. Одет просто: серая рубаха с длинными рукавами, полосатые штаны и сапоги. На поясе кривой короткий меч, не сабля, а нечто напоминающее ятаган. Первое впечатление положительное. Вот только его внутренний мир от меня закрыт, словно он волхв, хотя всё может быть проще: либо амулет

заговорённый, который я не вижу, либо старая кровь в нём сказывается. Вероятнее всего, вариант номер два.

Верховный жрец представил нас. Так я познакомился с Василько Святославичем Полоцким. При Векомире разговор шёл не долго, обговорили лишь общие детали, а потом волхва снова стал допекать кашель, и мы его оставили. Старый Рюрикович жил в доме Отдела по борьбе с крестоносцами, где он консультировал витязей. К делам ОБК его не допускали, всё же он пока не считался венедами в доску своим. Поэтому большую часть дня был предоставлен себе, бродил по окрестностям, по торгу, тоскуя по взрослым детям и внукам, которые остались на Руси, и посещал храмы. Идти ему особо некуда, и я пригласил его в Чарушу.

Возок за городскими воротами нас уже ожидал, и пока будем ехать, поговорим о делах. А по приезде попаримся в баньке, которая наверняка уже давно затоплена и прогрета, затем посидим, выпьем, и за едой снова заведём разговор. Мне есть о чём расспросить старого князя, который многое может рассказать. Причём меня интересует не Киевская Русь, не Византия и не Берладник вместе с наёмными степняками. Нет. Я хочу побольше узнать о его предке Всеславе. Как он перекидывался в волка? Каким образом за один день мог из Киева добежать до Полоцка? Как совмещал в себе двоеверие, строил христианские храмы и одновременно с этим был волхвом? Что такое тропы Трояновы и в чём сила князя-оборотня? Что в историях о Всеславе Брячиславиче правда, а что ложь? Вот какие вопросы я хочу ему задать, а то с руянскими волхвами как засядешь, и начинается мистический трёп на многие часы. А Василько Святославич – воин, который, как мне кажется, на прямой вопрос ответит коротко, чётко и по существу. Конечно, если захочет.

Глава 2

Ладожское озеро. Осень 6654 от С. М. 3. X.

Руянский торговый караван в Новгород этой осенью собирался большой. Сорок шесть судов покинули варяжский остров и отправились в северную республику. Шнекеры, драккары, лодьи, насады, расшивы, кнорры и когги. Настоящий флот под общим руководством Радима Менко, сопровождаемого храмовыми витязями. Почему столько судов? Да потому, что венецы понимали, грядёт беда, и спешили к ней подготовиться. О Крестовом походе и замыслах католических иерархов знали и князья, и все серьёзные купцы, и предводители крупных варяжских ватаг и, конечно, волхвы. Поэтому острову Руяну от Новгорода нужны были люди, в первую очередь воины, железо, которого всегда не хватало, зерно, если оно у республиканцев будет, и оружие, любое, какое только выставят на продажу. Нам сейчас перебирать нечего – всё в дело сгодится, а славному торговому городу на берегах Волхова, как всегда, требовалось наше серебро.

Море мы пересекли более-менее благополучно, но когда вошли в Ладожское озеро, застряли. На озере бушевал шторм, и местные лощманы, которые проводили суда от моря до Новгорода, вести по нему караван отказались, слишком коварным может в непогоду быть обширный водоём, который северные русичи часто называют морем Нево и на дне которого покоится немало кораблей, чьи самоуверенные кормчие на свой страх и риск решили его пересечь. А поскольку спорить с местными мореходами бесполезно, пришлось двое суток простоять у берега. Но ничего, время в запасе имелось, а мне было чем заняться.

На суше я организовал учебный бой трёх своих боевых экипажей с пятью варяжскими и в очередной раз убедился, что моя дружина подготовлена гораздо лучше, чем вольные ватаги. Сказываются многочисленные рискованные походы и постоянные тренировки в Рароге. Пообещав дружинникам, которые были довольны своей победой, небольшую премию и увольнительную в Новгороде, я засел за составление предварительных планов по весеннему диверсионно-партизанскому рейду в земли северных германцев. За этими занятиями сорок восемь часов пролетели очень быстро. Погода настроилась, вновь выглянуло солнышко, и мы продолжили наше движение к Волхову.

Суда шли хорошо. Подгоняемый попутным ветром «Каратель», за кормой которого держались «Святослав» и «Перкуно», шёл в центре каравана за кораблём храмовников «Морской волк». Всё почти так же, как три года назад, когда я впервые направлялся в Новгород. Только холодно и за мной не полсотни вольных варягов-ватажников, а несколько сотен отменных воинов, которые подчиняются исключительно мне.

Дружинники, которым не надо работать вёслами, отдыхали, а я сидел на одном из пустых румов и разговаривал с расположившимся напротив князем Василько. Как собеседник, он меня устраивал, человек умный и осторожный, за жизнь приобрёл немало связей, много где побывал и знает несколько языков. С ним интересно, и хотя о своём предке Все-славе Брячиславиче, к моему огромному сожалению, говорить не желает, тем для разговоров у нас много. То военные хитрости степняков обсуждаем, то тактику ромеев, то военные битвы разбираем, а иногда, как сейчас, говорим о воинах, которые ожидают меня в Новгороде.

– Княже, – поудобнее притулившись к борту корабля, обратился я к Василько Святославичу, который зябко поёживался, кутаясь в толстую шерстяную накидку, – а что ты думаешь об Иване Берладнике?

– Так я ведь о нём уже рассказывал, – отозвался бывший полоцкий владетель.

– Меня интересует, что он за человек, а о его заслугах и битвах, в коих он участвовал, я уже знаю.

– Вот оно что... – протянул Рюрикович и, покосившись на покрытую рябью водную гладь озера, прищурился, вспоминая: – Я видел его всего пару раз, и сказать, что он за человек, мне трудно.

– Но какое-то личное мнение ты о нём составил?

– Да. Он сильный воин, но не сдержан. Знает военное дело и может придумать план по захвату города или разгрому вражеского отряда, а затем, следуя ему, добиться поставленной цели. Однако он плохой стратег. На два шага перед собой всё видит, а на три уже не может. В общем, отличный вожак крупного отряда и очень плохой правитель, который ценит жизнь своих воинов и совершенно не жалеет смердов. Его ведь из Галича почему выгнали? Не потому, что он был хуже князя Владимирко, а по той простой причине, что Иван Ростиславич считал горожан бессловесными скотами. Вот повёл бы он себя немного иначе, поговорил бы с горожанами, купцами и боярами, а потом народу подвалы с вином открыл, и для него всё могло бы сложиться иначе. Он мог бы удержать Галич и увеличил бы своё владение. Но не додумался до этого и стал самым обычным наёмником. Пусть благородных кровей, но что это меняет? Ничего. Он согласен воевать за плату, а значит, как ни посмотри, все равно наёмник.

«Ясно, – подумал я, – Берладника придётся держать под постоянным приглядом и на коротком поводке. Сотня дружинников у него есть, если письма не лгут, и этого количества воинов ему пока хватит. А потом посмотрим, к чему его приставить и как использовать».

– А о степных атаманах что рассказать можешь? – продолжил я расспрашивать полочанина.

– Степных вождей будет трое: Данко Белогуз, Твердята Болдырь и Юрко Сероштан. Все они выходцы из окрестностей Таматархи, по-нашему, Тмутаракани. Люди опытные, воевали за ромеев, а потом за Всеволода Ольговича, который так и не выплатил им обещанное серебро. Далее в Турове служили, а последние несколько годков в Малотине, на границе Переяславля со степью вместе с чёрными клобуками жили. Но переяславские князья – не богатеи. Поэтому нашим степнякам платят редко. Вот они и ищут, кому бы свои клинки продать. Если их нанимают, они служат честно, а коли обманывают, то обиду не прощают.

– Это я уже понял. Больше ничего сказать не можешь?

– Нет. Я степных вождаков давно не видел. Где они находятся и чем занимаются, в голове держал, мало ли, вдруг ко мне беда придёт и помимо своей дружины сила понадобится, а что у них на душе, того не ведаю. Это надо с атаманами и воинами лично встретиться, в глаза им посмотреть и в душу заглянуть. – И Василько кинул на меня хитрый с прищуром взгляд, видать, он был осведомлён о моём ведовском таланте, который год от года креп и показывал новые грани.

Но никаких чудес я не демонстрировал, а на его осторожные расспросы не отвечал. Раз князь о Всеславе Брячиславиче ничего не говорит, так и я свои умения на показ без нужды выставлять не стану. Ведь время нынче такое, что сегодня человек со стороны тебе союзник, а завтра может оказаться врагом.

Над головой с неприятным резким криком пролетела крупная серая чайка. Мы с Василько Святославичем одновременно проводили её взглядом, а затем князь, сославшись на холодный ветер да на свои продрогшие старые кости, покинул меня. А я снова задумался о неизбежной войне с крестоносцами. Мысли стали выстраиваться в чёткую логическую цепочку, моментально вспомнилась вся полученная в ОБК информация, и я приступил к её обработке. Делалось это легко и привычно. Картина окружающего меня мира заиграла новыми яркими красками, и я сделал несколько выводов, которые помогут мне правильной воспринимать всё, что вскоре будет происходить на землях западных славян.

Итак, что Венедский конфедеративный союз (моё личное самоназвание Венедии) имеет на данный момент и что он готов противопоставить врагам?

У нашего пока ещё не устоявшегося государства с давними традициями народовластия, но без серьёзного госаппарата есть сильный боевой и неплохой торговый флот. Сколько точно кораблей в наличии, никто толком не знает, ибо учёт ведётся поверхностный. Однако около трёхсот судов разных классов в распоряжении венедов есть, а значит, внутренние морские и речные коммуникации под нашим полным контролем, и мы сможем достаточно легко и относительно быстро перебрасывать свои воинские контингенты туда, куда необходимо. Это существенное преимущество перед врагами, и отбрасывать его в сторону нельзя.

Кроме того, на границах с католиками и в глубине наших материковых территорий построены мощные крепости, и это ещё один неприятный сюрприз для крестоносцев. Только у бодричей за последние четыре года появилось семь новых замков, а приморский Дубин, где ставятся большие каменные башни с батареями катапульт и стреломётов, укрепляется дополнительно. Так что все земли князя Никлота, который после войны с датчанами очень разбогател, превращаются в один огромный укрепрайон. Да и остальные венедские князья от своего соседа не отстают. Три дополнительных крепости появилось у лютичей и три у поморян. Плюс ещё одна каменная твердыня строится в землях материковых ранов, как раз напротив Руяна, в том самом месте, где зимой иногда замерзает море и на остров можно перейти по льду.

Ещё одно преимущество – это наши огромные финансовые запасы. Западные славяне, как я уже отмечал, живут гораздо богаче, чем их восточные родственники с берегов Днепра. А после удачных походов в Швецию, Данию и Ла-Манш, разгрома трёх католических армий и захвата целого ряда германских городов, среди которых наиболее богатыми были Ольденбург и Любек, серебра и золота в Венедии появилось столько, что оно стало дешеветь, и этим сразу же постарались воспользоваться новгородцы. Республиканские купцы поставляли нам товары по завышенным ценам и отправляли на родину десятки пудов драгоценного металла, который в не имеющей своих золотых и серебряных рудников Киевской Руси совершенно естественно стоил намного дороже, чем на Западе. Взять, как пример, большую морскую лодью. В Венедии она стоит около ста гривен, в Новгороде – шестьдесят, а в Киеве – сорок. Разница видна сразу, и такие примеры можно привести по очень многим товарам.

Впрочем, речь не о разнице в ценах. Драгметаллы потоком утекали из Венедии всегда, начиная с Рюрика, да и сейчас в Киевское княжество через Новгород уходят. Просто у нас на Монетном дворе в Ругарде в дополнение к медному трезубцу стали печатать серебряную монету весом в пять грамм с изображением Святовидова коня и золотую, опять же пятиграммовую, но с боевым кораблём на одной стороне и мечом с другой. При этом Монетный двор принимает любое серебро и золото, оценивает их по чистоте и разменивает на венедские деньги. А в прошлом году нашим номинальным главой, великим князем Прибыславом, с подачи волхвов-советников был издан указ о фиксировании цен на продовольствие, железо, медь, соль и ещё некоторые товары, которые можно назвать стратегическими.

Всё это сильно ударило по купцам-спекулянтам (или честным предпринимателям, кому как нравится), но не настолько, чтобы они отказались от своего ремесла и торговли в венедских землях. А после этого, по слову Векомира, в общую казну нарождающегося государства перешла часть золотого запаса из храмовой сокровищницы в Коренице, и на эти деньги было закуплено много продовольствия и вооружение на несколько тысяч человек. И хотя это только начало и до идеала далеко, задел на будущее появился. В единстве – сила, и отныне у венедов есть нечто общее, что принадлежит всем четырём племенам. Это деньги, казна и запасы. Теперь бы ещё армию и флот общими сделать и создать государственный аппарат. Но пока это невозможно, князья с боярами и варяжскими вождями не допустят. Да и народ к подобным шагам ещё не готов.

Далее я перешёл к воинским формированиям, которые в грядущей войне выступят на стороне Венедии.

Во-первых, есть боевые ватаги вольных морских вожаков, примерно восемь-девять тысяч воинов, из которых только половина – этнические венеды, а все остальные бойцы пришлые: новгородцы, киевляне, пруссы, литовцы, шведы, норвеги, суомы и карелы. Народ в этих отрядах хваткий, злой и умелый, потому что слабаки и гнилые людишки в таком обществе не приживаются. Это сила, но её надо правильно использовать. Держать в одном кулаке, как бронированную пехоту, либо выпускать в море для налётов на вражеские берега. А поскольку с морскими походами пока придётся завязать, моряки станут тяжёлой пехотой, которая в решающем сражении, если таковое произойдёт, примет на себя основной удар противника.

Во-вторых, имеются постоянные дружины четырёх венедских князей, не менее пяти тысяч профессиональных вояк. У Никлота это конница, которая по выучке и снаряжению не уступит лучшим европейским рыцарям. У Прибыслава – отряды смешанные, есть тяжёлая кавалерия, пехота и сотня отборных лесовиков, своего рода спецназ. У Рагдая в дружине всего двести всадников, а остальные воины собраны в элитный пехотный батальон (моё обозначение), четыре длинные сотни копьеносцев по сто двадцать человек в каждой. Что же касается Мстислава, то у него сплошь варяги, самые лучшие и сильные представители племени ранов.

В-третьих, в крупных венедских городах, таких как Волегощ, Щецин, Радогощ, Гданьск, Ральсвик, Зверин, Колобрег и Волин, имеются отряды стражников, как правило, из бывших дружинников или вернувшихся в родные края пожилых морских бродяг, а это почти две тысячи воинов. Большую их часть в решающий момент тоже можно кинуть в бой, и я уверен, что если до этого дойдёт, они покажут себя хорошо.

В-четвёртых, в общий учёт идут воины разросшихся храмовых отрядов. Это не менее пятнадцати сотен человек, из которых лишь четверть может называть себя витязями. А остальные бойцы – это либо потерявшие всё люди, ищущие смерти, либо артиллеристы, либо созданные в прошлую военную кампанию группы метателей «греческого огня».

В-пятых, обязательно будет проведена мобилизация племенного ополчения, которое подсчитать можно лишь примерно. Бодричи, если напрягутся, выставят десять тысяч человек, лютичи столько же, поморяне – минимум пятнадцать и раны – семь-восемь. Подготовка у вчерашних крестьян и рыбаков, охотников и лесорубов, бортников и корабелов, солеваров и ремесленников, строителей и моряков с торговых судов конечно же слабая. Наши князья это прекрасно понимают, точно так же как и то, что ценные кадры, тех же кузнецов и корабелов, необходимо беречь. Однако, если прижмёт, вся эта толпа выйдет в поле и встанет насмерть или будет сидеть по лесам, наблюдать за уничтожением своих городов и вести партизанскую войну.

В-шестых, нельзя забывать о новгородских ушкуйниках, которые вместе с варягами и свеями так славно погуляли в Гетланде, что там уцелела лишь треть населения. А недавно они получили подкрепление с родины и сейчас почти в полном составе зачищают от католиков окрестности озера Веттерн. Однако по весне ушкуйники должны выйти к морю, погрузиться на свои расшивы и прибыть в Волегощ, и будет их не меньше полутора тысяч. Естественно, если не случится чего-то непредвиденного и вольные люди не сорвутся куда-нибудь в другое место. Ведь с них, кстати, станется. Соберутся в круг, пошумят, погуторят за жизнь и ринутся Европу грабить или вернуться домой, добычу по кабакам спустят и в Волжскую Булгарию за хабаром пойдут. Впрочем, вольные атаманы заверили князя Мстислава, что своё слово сдержат, а значит, они не подведут.

В-седьмых, рядом с нами встанут язычники с восточных берегов Венедского моря. Прусы, литовцы, ятвяги, латгаллы, куроны и прочие лесовики. Сколько их будет, только

боги знают. Однако двадцать тысяч воинов ставший в родной Помезании великим вождем Пиктайт из Трусо обещал привести. Войско у него многоязыкое и разное по качеству, есть ветераны, которые с нами датчан в Большом Бельте крошили, а есть настоящие дикари, которые железный нож за чудо считают и имеют общий словарный запас в полсотни слов. Руководить ими трудно, но Пиктайт как-то справляется, видать, привык. Так что до поля боя он орду доведёт. Помимо этого, пруссы собираются привести к нам свою превосходную конницу и витязей Перкуно. Пойдут они от города Трусо через земли поморян к Щецину и появятся под его стенами примерно в конце весны.

В-восьмых, венедам обещана помощь от Хунди Фремсинета. Сил у шведского короля-язычника после жестокой и опустошительной войны с гетами и свеями-католиками не очень много. Но десять – пятнадцать кораблей и восемь – десять сотен воинов он соберёт. Народ у него жёсткий и ненавидящий христиан лютой ненавистью. Поэтому драться скандинавы станут, словно настоящие берсерки, в этом я уверен, слишком много крови в последние годы пролилось в Швеции и очень уж большой счёт у поклонников одноглазого водителя дружин Одина к носителям креста.

Вроде бы всё. Хотя нет, стоп! А я? А как же я? Всех посчитал, а о своей скромной персоне забыл. Нехорошо. Получается, что отделившись от общества? Ха-ха! Выходит, что так. Однако это неправда, а значит, плюсуем моё войско. Семьсот пятьдесят дружинников без варогов уже есть, а к началу военной кампании, если найм в Новгороде пройдёт, как запланировали Векомир и князь Василько, да весенний набор будет, под моей рукой соберётся около полутора тысяч воинов. Три сотни из проверенных семейных старожилов, чьи родственники живут в Рароге и окрестностях, придётся оставить на острове, а остальных после тренировок и боевого слаживания – в бой.

Теперь-то всё? И опять нет. Другие вольные вожаки тоже поднаём будут проводить. В Норвегии, в том же Новгороде, среди пруссов, карелов и литвы. Кроме того, вместе со второй экспедицией в Винланд, которую повёл за океан недовольный своим назначением Будимир Виславит, верховный жрец послал вербовщиков в Исландию. Хоть кого-то, но они наймут. А ко всему этому финский шаман Онни Коскенен на крови клялся, что наберёт охочих до драки молодых парней, которые будут служить храму Святовида. Поэтому по общему итогу выйдет, что мы сможем выставить против крестоносцев более семидесяти тысяч человек. Это серьёзная сила, но более половины бойцов от этого числа являются ополченцами, и часть войск придётся оставить на охране тылов и в экипажах военных кораблей. Так что реально воевать будет тысяч пятьдесят, а то и меньше.

А сколько же выставят католики? Можно посчитать. Насколько я помнил историю моего мира, в Крестовый поход против славян выступило около ста тысяч воинов. Германцы, покорённые ими лужичане и древане, ляхи под предводительством короля Болеслава, даны, моравы и европейский безземельный сброд. Одновременно с этим начался Второй Крестовый поход в Святую землю, основными участниками которого являлись король Конрад Третий и король Людовик Седьмой. За германским королём пошло пятьдесят тысяч, а за французским – семьдесят. И это не считая сицилийцев короля Роджера, итальянские отряды, наёмников, тамплиеров и дружины английских рыцарей, которым надоела гражданская война на своём острове.

Сейчас расклады иные. Наверняка Крестовый поход в Святую землю пойдёт как вспомогательный, а основным противником католицизма объявят нас. Об этом говорил Яровит, который навещал меня после битвы под Пырыцей, и слова небожителя подтверждаются докладами наших разведчиков в Европе. Однако датчан венеда из игры выбили, так что если они и выступят, то ограничатся демонстрационными действиями в районе Каттегата и Скагеракка. Ляхам тоже досталось, и у них до сих пор длится внутрисемейная распря между Пястами, поэтому много сил против нас они не кинут. Возможно, тысяч двадцать соберут,

и на этом все. Опять-таки германцы понесли серьёзные потери, и тех же северных саксов с голштейнцами будет меньше, чем могло бы быть.

А в остальном всё по-прежнему. Армия Конрада Третьего вместе с войсками имперских феодалов: Генриха Льва, Альбрехта Медведя, Конрада Церингенского, Конрада Мейсенского, Хартвига фон Штаде, Фридриха Одноглазого и многих других. Плюс к ним – французы чрезвычайно набожного Людовика Седьмого, которого в необходимости Крестового похода против язычников убеждает лично Бернар Клервоский. Славянские католики из Моравии, которых поведёт король Владислав Второй, а так же отряды многочисленных епископов и архиепископов. Остатки шведских христиан под руководством молодого короля Юхана Сверкерссона, который вовремя сбежал от гнева Хунди Фремсинета, рыцари католических орденов, наёмники и английские добровольцы. Возможно, появятся итальянцы, но это вряд ли. И если произвести примерный подсчёт, получается сто семьдесят тысяч крестоносцев. Гигантская цифра, которую я, как человек из будущего, могу себе представить, а вот нашим князьям это сделать трудно. Хотя Атилла-батюшка, коего венеды до сих пор добрым словом поминают, и не такие армии по Европе водил, при всём при том, что в его время транспортная инфраструктура была хуже, лесов больше, а городов гораздо меньше.

Впрочем, крестоносцам в любом случае придётся трудно, поскольку такую огромную ораву воинов при таком же количестве лошадей, как боевых, так и тягловых, и с десятками тысяч обозников прокормить трудно. Да и не ладят католики между собой. Герцог Альбрехт Медведь ненавидит юного Генриха Льва и своего соперника за корону короля Конрада. Германский правитель, в свою очередь, находится в постоянном конфликте с половиной имперских аристократов и презирает своего французского коллегу Людовика, который охраняет слабую на передок супругу Элеонору (Алиенору) Аквитанскую. Архиепископы с епископами, сплошь высородные аристократы, грызутся между собой за власть над прихожанами и поддерживают своих родственников-феодалов. Внутри всего этого кагала десятки партий и сотни мелких союзов. Кто, где и чей, не всегда понятно. И одно можно сказать сразу: согласия и единства среди крестоносцев не было, нет и не будет, ибо достичь его невозможно.

Нам внутренние склоки католиков на руку. Поэтому, исходя из вышеизложенного, совершенно ясно, что крестоносцы начнут наступление несколькими колоннами и с разных сторон. Они будут опираться на прилегающие к венедемским границам крупные города, такие как Гамбург, Бремен, Верден, Бардовик, Хоболин, Магдебург, Бранденбург и Берлин, а мы встретим противника на его территории, отыграем сколько-то времени, а затем отступим обратно в Венедию, продолжим сражаться в лесах и станем вести войну на истощение. После чего наступит осень, за ней придёт зима, и крестоносцы, кто переживёт весну и лето, подохнут с голода или откатятся обратно в Европу. Таковы предварительные планы на эту войну, а как будет на самом деле, я смогу увидеть лично.

«Эх-ма! – мысленно вздохнул я. – Злое время наступает, и ничего уже не изменить и не поправить. Лично я сделал всё, что мог, и теперь у венедов есть шанс выстоять. Кстати, надо бы записать свои размышления, наверняка пригодится».

Я встал с рума и прошёл к мачте, под которой бросил свою походную сумку. Открыл клапан и стал искать дневник. Нашёл, а затем нащупал медную фляжку с чернилами, корбочку с мелким песочком и футляр с перьями. Всё имеется, можно писать. Вот только я упустил из вида, что нахожусь не на берегу. Качка чувствуется, поэтому, даже если захочу, сделать запись не получится, либо кляксу на лист посажу, либо бумагу пером порву.

«Ладно, – решил я, – позже свои записки дополню».

Дневник и письменные принадлежности вернулись на место, а в руку попал, словно сам по себе, кусочек материи. Я вынул его на свет и увидел потёртый платок, на котором был вышит атакующий змею сокол. Сразу вспомнилась девчонка Дарья, которую в этих самых

местах я спас от насильника, и бой в деревеньке Водька. И я подумал, что интересно было бы увидеть эту самую Дашу. Небось, выросла, егоза.

«Что, на молоденьких девушек потянуло? – ехидно осведомился мой внутренний голос. – Жены уже не хватает?»

Усмешка пробежала по губам. При чём здесь жена? Она отдельно, а походные приключения находятся в совершенно иной плоскости, и не надо их смешивать. Караван идёт медленно, а Водька недалеко, так почему бы и не зайти в гости к тем, кого моя дружина некогда выручила? Препятствий нет, а значит, вперёд. Отдохнём у рыбаков, ушицы свежей поедим и выпьем немного. А дальше как получится.

– Ранко! – окликнул я спящего невдалеке от кормила командира «Карателя».

– Чего, Вадим? – Самород откинул прикрывающий его от ветра полог и приподнял голову.

– Где Водька находится, помнишь?

– Деревня рыбаков?

– Она самая.

– Помню.

– Поворачиваем к ней. «Святослав» и «Перкуно» продолжают движение с караваном, а мы идём в гости.

Ранко Самород понатливно усмехнулся и поднялся. Сигнальщик достал красные флажки и подошёл к борту, чтобы его увидели с наших драккаров, а кормщик стал поворачивать корабль в сторону западного берега.

Глава 3

Новгород. Осень 6654 от С. М. 3. X.

Ночь. До рассвета ещё не меньше двух часов. По крыше лучшего новгородского постоянного двора, который приютил меня и экипаж «Карателя», барабанят крупные дождевые капли, а мне не спится. Вроде бы сутки глаз не смыкал, а вот не идёт сон и всё тут. Поэтому сижу за столом, смотрю на обнажённую девушку Дашу, которая мирно сопит на нашей общей кровати, впитываю идущее от неё душевное тепло и размышляю о своём. Думок в голове тысячи. Они роятся и сталкиваются одна с другой, пересекаются и сплетаются в клубки, которые приходится распутывать. А что делать? У меня не три головы, а всего одна, и в сутках только двадцать четыре часа, не больше и не меньше.

Вчера поздно вечером наш морской караван прибыл в Новгород, и с утра начнётся рабочая суета. Появятся командиры наёмников, с коими мне придётся пообщаться, а помимо этого существует масса других проблем, которые требуют моего самого пристального внимания.

Взять хотя бы Дашу. Более трёх лет назад тринадцатилетняя соплушка подарила мне платочек и с тех пор, словно Ассоль из романа Грина, ждала, что появится капитан дальнего плавания, который заберёт её из нищей рыбацкой деревушки с незатейливым названием Водька в светлое будущее. Девчонка мечтала, сама себя накручивала, росла и превратилась в настоящую красавицу. Стройная фигурка, красивая грудь, роскошные русые волосы и голубые глазки. Естественно, у неё появились ухажёры-женихи, но она отвечала всем отказом и, несмотря на злые насмешки, ждала только меня. И вот наконец я появился. После чего, как-то совершенно естественно, мы провели с ней ночь, а утром я осознал, что не могу бросить эту девчушку на произвол судьбы. Точнее, могу, ведь по нынешним временам это стандартная практика: варяг пришёл, весело провёл время, получил, что хотел, отдался и исчез, ибо судьбина у него такая, по морям бродить, а подруга осталась на берегу, может, родила ребёнка и через пару-тройку лет благополучно вышла замуж. Вот только я хорошо чувствую душевный настрой других людей, и когда пришло время покинуть Водьку, посмотрел в глаза отдавшей мне своё девичество рыбацки, которая втайне уже собрала свои нехитрые пожитки, и забрал её с собой.

В общем, я поступил как романтик, и, вполне возможно, когда-нибудь эта история станет сказкой или легендой. Даша превратится в прекрасную принцессу, а я в благородного принца, который преодолел множество преград и пришёл за своей возлюбленной. А пока мы в реальности, в которой далеко не всё бывает красиво и гладко. Ещё одну жену в семью ввести несложно, и Нерейд, я уверен, воспримет это естественно. Вот только время нынче беспокойное, и быть рядом со мной может быть опасно. Впрочем, опасность есть всегда, даже в жизни простого рядовича, и для себя я всё решил. Мне уже давно намёки делали, что славному вождю необходимо иметь несколько жён. Однако как-то не до того было, работы много, походы и разъезды. Ну а сейчас судьба сама свела меня с той, которая стала для меня дорога настолько, словно я любил её всю жизнь. Так что быть юной красавице Дарье второй супругой зеландского вождя Вадима Сокола. Благо мы друг другу небезразличны, а коли так, всё у нас сладится.

Отвернувшись от девушки, которая во сне мило улыбалась, я посмотрел на пламя горячей свечи, и мысли перескочили дальше, на дела Новгорода и Киевской Руси. Здесь всё по-прежнему бурлило и клекотало, было наполнено событиями, и многие из них вызывали мой интерес.

Есть нечто обыденное. Например, в позапрошлом году в Новгороде восстановили мост через Волхов. Новгородский князь Святополк Мстиславич собирает войско против суздальского князя Гюрги (Юрия Долгорукого). Посадник Судило Иванович ушёл со своего поста, и его временно сменил Нежата Твердятич. Городские дружины и карелы задавили сопротивление племён хеме, которые выплатили городу виру за погибших ладожан и выдали республиканцам своих наиболее воинственных вождей и бойцов. Владыко Нифонт вызвал из Киева умелых живописцев, и они занимаются росписью Софийского собора. А помимо того за последние три года он построил сразу пять церквей: Успения Богородицы на Торге, Святых Бориса и Глеба в Детинце, Святых Демьяна и Козьмы в Наревском конце и две в Славенском конце, что-то связанное с Ильёй, Петром и Павлом. В общем, владыко не дремлет и старается как можно плотнее охватить город святыми храмами своего бога. Это вполне предсказуемо.

Однако это всё пустое. Главное, на мой взгляд, в других событиях, которых два.

Первое касается власти мирской. Ольговичи всё слабеют и слабеют. Великий князь Всеволод вот-вот помрёт, если уже в ящик не сыграл, а его брат Игорь, мой давний недруг, который с момента своего освобождения из плена четыре раза посылал по мою душу убийц, отправится вслед за ним. Киевляне не любят Ольговичей, которые нечисты на руку и рассорились со многими своими союзниками. Так что следующим великим князем станет переяславский князь Изяслав Мстиславич. У него много родственников и за него чёрные клобуки, которые по приказу Мстиславича порвут любого, кто выступит против него. Следствием усиления Мстиславичей в Киевской Руси станет новый виток междоусобицы, и, при желании, через родную сестру князя Изяслава и мою хорошую знакомую, датско-норвежскую королеву Мальмфриду Мстиславну, можно внедриться в местное общество и повести свою игру. Однако мне сейчас не до того, и собственной агентуры до сих пор нет, а вот если мы отобьём крестоносцев, вполне реально открыть годик-другой и прогуляться по Руси. Повоевать, поинтриговать, пограбить наиболее преданных партии Христа князей, бояр и епископов, а затем отбить себе кусочек земельки, где можно поставить крепкий форпост и посадить там своего человека.

Конечно, возникает резонный вопрос, а как на это отреагирует христианская церковь? Слабо отреагирует, потому что есть второе событие, которое привлекает моё внимание, и оно плотно соприкасается с первым.

На Руси многие недовольны тем, что все митрополиты назначаются из Константинополя. Как правило, они люди чужие, по крови и по духу. Поэтому местных реалий зачастую просто не понимают. Взять хоть нынешнего Михаила, митрополита Киевского и всея Руси. Его мнение мало кого интересует, и доходило до того, что самого главного церковника на Руси сажали под замок и морили голодом, дабы был сговорчивей. В итоге авторитета у него нет и многие епископы, кто не грек, а русич, чуть ли не в открытую посылают его куда подальше. Мол, да пошёл ты через пошёл, чурка греческая, мы сами прекрасно знаем, что у нас и как и чему нам прихожан учить. Михаил пытается их как-то урезонить, постоянно конфликтует с князьями, которые грызутся между собой, и пишет кляузы константинопольскому патриарху. Но глава православных христиан далеко и тоже не в курсе событий на Руси, ибо других забот хватает. Тут сельджуки наступают, при дворе императора вечная борьба за власть, и католики усиливаются, так что ему просто не до киевских разборок.

Короче, вскоре Михаил покинет свой пост и удалится в один из глухих монастырей. Одновременно с этим произойдёт смена власти в Киеве, и новый великий князь, Изяслав Мстиславич, сам выберет митрополита. Не чужака, а своего человека из местных кадров. Им станет Климент Смолятич, вполне адекватный человек, который (о, Боже!) посмел по-своему трактовать Библию, Евангелие и прочие христианские святыне книги, и при этом частенько ссылался на труды Платона, Аристотеля, Сократа и других древних философов. С этого начнётся раскол церкви, в котором славяне противопоставили себя иноземцам. Вот

только жаль, что продержится Климент не очень долго. Как Изяслав Мстиславич умрёт, так его с митрополитов и скинут, а епископов, которые стояли за создание РПЦ, разгонят по дальним скитам.

Это исходные данные, обмозговав которые, я задал себе вопрос: а что будет, если поддержать Климента и Изяслава? Где-то деньгами им помочь, где-то убийц к нашим врагам подослать, например, к тому же новгородскому епископу Нифонту, который поддерживает греков, а где-то правильный совет дать. Киевскую Русь обратно в язычество не вернёшь, по крайней мере, не сейчас. Но сделать церковь не греческой, а русской и отдельной от Константинополя вполне реально. Но опять-таки, это планы с прицелом на будущее, и они будут претворяться в жизнь лишь в том случае, если через пару лет я всё ещё буду дышать воздухом и радоваться каждому новому дню, а не лететь вместе с прахом погребального костра в Ирий. Так что если выживу, то постараюсь влезть на Русь и попробую создать задел на равенство всех религий в её пределах. Это работа на десятилетия. Однако у меня в запасе века, и если организовать в Киеве и других крупных русских городах крепкие шпионские сети, основу которых составят вароги и мои дружинники, конечная цель может быть достигнута...

Я достал из сумки дневник и письменные принадлежности и приступил к работе – оформлению своих мыслей в планы. По грядущей военной кампании, по шпионажу, по церковному расколу, по княжеским фамилиям и кланам, которые дерутся за титул великого князя. Дело спорилось, и я настолько увлёкся, что совершенно не заметил, как наступило утро. Ладони и рубаша были в чернилах, в дневнике прибавилось исписанных листов, а спину слегка ломило. Однако, несмотря на ломоту и бессонную ночь, я собой доволен.

Потянувшись всем телом, встал и сделал лёгкую разминку. Затем подошёл к мутному окну и поприветствовал восходящее солнце. В это время проснулась Дарья, которая улыбнулась мне так лучезарно, словно солнышко взошло не над миром, а прямо в этой комнате, и я подумал, что до завтрака ещё есть время и его можно провести в постели. Однако любовную игру пришлось отложить.

В запертую изнутри на засов дверь постучал один из дружинников, который сообщил, что прибыли степные атаманы и князь Иван Ростиславич. Вожак наёмников появились немного раньше, чем я ожидал. Видать, возле закрытых городских ворот ждали, когда они откроются, и сразу же направились ко мне. Ладно, поговорю с ними сейчас, это не проблема.

Поцеловав Дарью в сладкие губы, я огладил её по упругой груди, оделся и прицепил на пояс клинок. После чего спустился со второго этажа в трапезную и огляделся. Моя дружина уже лопала сдобренную топлёным маслом кашу, а гости, которых было четверо, сидели в центре и вместе с Василько Святославичем потягивали горячий взвар.

Первые впечатления были хорошими, и слова полоцкого князя подтвердились. Атаманы степняков как на подбор, словно родные братья. Крепкие мужчины сорока – сорока пяти лет, на голове тёмно-русые чубы, у двоих в ушах золотые серьги, на теле плотные кожаные кожухи и заправленные в сапоги свободные степные шаровары, а на поясе сабли с потёртыми рукоятками. Примерно такими я их себе и представлял, степных рыцарей, ставших предками казаков. Вот только не ожидал, что чёрный клобук окажется похож на приплюснутую казацкую папаху-пластунку из чёрного каракуля, но это мелочь.

Ивану Берладнику на вид лет тридцать пять, волосы светлые, взгляд уверенный и слегка нахальный с прищуром, одет в добротный суконный кафтан, а из оружия имел прямой превосходный меч в богатых ножнах и пару кинжалов. Ни дать ни взять кондотьер, как он есть, хотя изначально я думал, что на первую нашу встречу он накинёт красное княжеское корзно, дабы цену себе набить. Однако нет, Берладник обошёлся без понтов. Значит, укатали сивку крутые горки, и для меня это хорошо.

«Ну что, начинаем разговор? – спросил я сам себя. – Да, тянуть не надо. Решил – делай».

Подойдя к столу, я присел рядом с Василько Святославичем, поприветствовал наёмников, которые расположились напротив, и дождался их ответа. Потом получил от румяной служанки кружку с клюквенным взваром и спросил гостей:

– Кто я, знаете?

За всех ответил Берладник:

– Да. Князь Рарожский Вадим.

«Надо же, – подумал я, – кто же это меня до князя повесил? Надо будет узнать, хотя и так понятно, руянские приказчики, которые в Новгороде сидят, постарались. Для авторитета, своего и моего».

– Зачем венеды служилых людей набирают, понимаете?

– С германцами биться станем.

– Не только. Католики затевают Крестовый поход против славян, и в нём кого только не будет. Вся Европа против нас.

– Нам всё равно, – хмыкнул один из степняков, кажется, Твердыа Болдырь, если я правильно запомнил сделанные князем Василько описания.

– Это хорошо, – кивнул я и спросил: – С нашими условиями ознакомлены?

Снова за всех четверых высказался Иван Ростиславич:

– Да. Руянские приказчики нам всё подробно описали, и купец Сокол из Ладоги о тебе кое-что поведал. Служба на три года. Нанимает нас храм Святовида, но подчиняемся мы тебе. Приказы выполняются беспрекословно. Оплата, как у всех, кто тебе в Старшей дружине служит: гривна серебра ежемесячно простому воину, полторы – десятнику, три – полусотнику, пять – сотнику, главному командиру по договорённости. В случае гибели воина или тяжкого увечья, ему причитается трёхмесячная оплата. Оружие, доспехи, жильё, лошади и припасы с тебя. Добыча на отряд не делится, а полностью передается нанимателю.

– Всё верно. Вас это устраивает?

– Конечно, а иначе бы нас здесь не было.

– Вопросы есть?

– Само собой.

Наёмники переглянулись, и Болдырь кивнул Берладнику:

– Ты первый, княже, а мы обождём.

Иван Ростиславич окинул взглядом помещение, наверняка отметил, что экипаж «Карателя» ведёт себя тихо, десятки по очереди завтракают, и все воины одеты однообразно. После чего слегка дёрнул шеей, хмыкнул и поинтересовался:

– Кто будет главным командиром в наёмном войске?

– Никто, ведь вы не единая армия.

– А кому мы будем подчиняться помимо тебя?

– Моим ближним людям, кому я доверяю.

– И много таких над нами поставишь?

– Двух-трёх человек, не больше.

– Добро. Ну а где нам воевать придётся?

– Об этом узнаете, когда на место прибудем.

– Не доверяешь?

– Остерегаюсь.

– Ладно. Воинов наших проверять станешь или нам на слово поверишь, что бойцы справные?

– Проверю. Вы где остановились?

– Деревенька Прость за городом.

– Знаю, где это, так что завтра ждите в гости.

– А что смотреть станешь?

– Всё, но в основном стрельбу из лука и пеший бой строим.

– Так-так. А когда отправляемся в путь?

– Через пять дней. Караван ждать не станем, сами пойдём. Меня в Перыни ещё воины ждут, так что их тоже проверю. Затем погрузитесь на расшивы ладожских купцов, и двинем отсюда. Сначала на Руян, а затем на Зеландию, где ваши воины пройдут дополнительное обучение.

– Так не договаривались. Зачем дружине снова учиться? Мы всё умеем.

– Посмотрим, а если не хочешь соглашаться на службу, то так и скажи.

Берладник, которому наверняка было неприятно, что ему кто-то будет отдавать приказы, нахмурился. Однако себя сдержал, немного помолчал и продолжил спрашивать:

– Когда роту давать будем?

– После проверки воинских умений твоих дружинников и степных воинов.

– А задаток за обещанные два месяца службы когда получим?

– Завтра к вечеру.

– Вопросов больше не имею.

– А у меня к тебе есть парочка.

Иван Ростиславич прищурился:

– Спрашивай, Вадим из Рарога.

– Почему ты, князь, решил за серебро воевать?

– Скажу, как есть. Допекло меня, вот и согласился послужить.

– А с Ольговичами почему на Галич не пошёл?

– А они разве туда собирались? – удивился Берладник. – Я в Киеве недавно был, так они мне ничего об этом не говорили.

«Вот так-то, – промелькнула в голове мысль. – Очередное изменение истории на лицо. В моей реальности Ольговичи пошли на Галич, и Берладник был с ними, а сейчас о нечто подобном и разговора нет. Русь, вслед за Руяном и Европой, тоже поворачивает в новое историческое русло, и я к этому имею самое непосредственное отношение. Игоря Ольговича на деньги развёл, и финансовая слабость аукнулась всему клану. Впрочем, об этом никому, кроме меня и Векомира, знать не стоит, поэтому уведим разговор подальше от скользкой темы».

– Не обращай внимания, Иван Ростиславич, это только слух, – сказал я Берладнику и задал новый вопрос: – Где свою семью оставил?

– В Смоленске.

– Хорошо. Позже ещё поговорим.

– Обязательно.

Я посмотрел на атаманов и кивнул Болдырю:

– О чём вы спросить хотите?

– Нам лошадей точно дадут?

– Точно.

– А что за лошадки?

– С конезаводов князя Никлота, прусские кони и руянские.

– То кони добрые. А что в ваших землях насчёт баб?

– Свободных нет, хотя рядом с Рарогом имеется пара трактиров, где гулящих жёнок немало.

– А на войне что?

– На войне как на войне. На своих землях никаких бесчинств, а во владениях врага погуляете от души, разумеется, если сумеете.

– Деньги на родину нам как отсылать?

– В моём владении есть фактория ладожских купцов, и через них можно отправить серебро на Русь. Обмана пока не было, все доставлялось вовремя и в целости.

– Добро. А что с припасами? Чем кормить будешь?

– Не переживайте, атаманы-молодцы, и мяско будет, и овощи, и крупы.

– А питьё хмельное?

– Только по праздникам.

– Языческим?

– Разумеется. А вы разве христиане?

– У нас народ разный. Поэтому мы на всякий случай всех богов чтим.

– Ещё вопросы имеются?

– Только по службе. Но об этом лучше завтра поговорим, когда воинов посмотришь.

– Идёт.

Ещё некоторое время мы говорили на общие темы, а потом Берладник и атаманы засобирались в путь. Им предстояло подготовить воинов, чтобы лицом в грязь не ударить, и я вожakov не задерживал.

Наёмники покинули постоянный двор, а я, глядя им вслед, подумал, что очень немногие из них вернутся обратно на родину. Потом на ум пришла старая казачья песня, которую я слышал в прошлой жизни всего один раз. И вроде бы я не казак, но песня хорошая, душевная, тягучая и поётся без музыкального сопровождения, а потому запомнилась и сама на язык легла:

Чёрный ворон, друг ты мой залётный,
Где летал так далеко?
Ты принёс, принёс мне, чёрный ворон,
Руку белую с кольцом.
Вышла, вышла да я на крылечко,
Пощатнулася слегка.
По колечку друга я узнала,
Чья у ворона рука.
Это-то рука, рука мово милого,
Знать, убит он на войне.
Он убитый, лежит не зарытый
В чужедальной стороне.
Он пришёл, пришёл сюда с лопатой
Милостливый человек,
И зарыл, зарыл в одну могилу
Двести сорок человек.
И поставил крест он дубовый,
И на нём он написал:
«Здесь лежат, лежат с Дона герои,
Слава донским казакам!»

Песня сложилась в голове, и я решил, что её надо записать. Пригодится. А вспомнилась она мне потому, что передо мной сейчас сидели не просто степняки-половцы, а наши степняки. Предки казаков и потомки воинов Святослава, которые берегли южные рубежи своей родины, а теперь вынуждены сидеть в Переяславле, с кочевыми ордами лукоморцев вдоль Чёрного моря бродить или наёмничать...

– О чём призадумался, Вадим? – прерывая мои размышления, спросил Василько Святославич.

– Да так, ни о чём, – поморщился я. – Вспомнилось кое-что, вот и гуляют в голове думки.

– А как тебе жожаки? – Князь кивнул на выход.

– Воины. Одним словом я сказал всё, что хотел, и старик понял меня правильно и больше ни о чём не спрашивал.

Вместе с Василько Святославичем мы позавтракали, и я прикинул свой дальнейший распорядок дня. Радим Менко в моей помощи не нуждается, он торгует и общается с новгородским посадником. Две трети дружины в городе, законная увольнительная. Старый Сокол из Ладоги появится только ближе к вечеру, и мы с ним поговорим насчёт новой партии переселенцев и киевских воинов. Значит, на несколько часов я предоставлен сам себе и могу посвятить это время отдыху или прогулке по городу. Что делать, думал недолго и решил отправиться на Торг, который является сердцем вольного города, но не один, а вместе с Дашей. Раз она моя женщина, значит, выглядеть должна соответствующе.

Снова я поднялся наверх и увидел Дарью, прекрасную девушку в потёртом полотняном платье, самом лучшем своём наряде. Она сидела за столом, за которым я провёл ночь. И как только я вошёл, вскочила и бросилась ко мне. Я поймал её и со смехом крутанул по комнате, после чего поставил подругу на пол и, глядя ей прямо в глаза, сказал:

– Собирайся. Вместе со мной на Торг пойдёшь.

– А зачем?

– Тёплые вещи тебе купим, на море сейчас холодно.

– Так ты...

Она осеклась, а я кивнул:

– Да, забираю тебя. Навсегда. Поедешь со мной в Рарог?

Вообще-то подобные вопросы варягами не задаются. Но я воспитан немного иначе, поэтому всё же спросил согласия девушки.

– Конечно, поеду.

Дарья доверчиво прильнула к моей груди, и от девушки исходила такая волна нежности, что я в ней едва не утонул. Искренность чувств – вот что больше всего ценится в славянских женщинах. Поэтому они самые лучшие в мире и, разумеется, самые красивые. Правда, мне в своё время повезло, и я встретил Нерейд. Но с ней отношения несколько иные, чем у нас с Дашей. Так что сравнивать двух красавиц просто бессмысленно, ибо они обе для меня идеальны и лучше их никого нет. По крайней мере, в настоящее время.

Девушка собралась быстро. Накинула на себя куцую шубейку и вместе со мной вышла на улицу. Рядом сразу же появился Ястреб и ещё несколько варягов. И мы пошли на Торг, который находился совсем рядом. Дарья что-то щебетала, но я девушку не слушал. Мне хватало того, что я слышал её душу, в которой было светло и радостно, и от этого мне постоянно хотелось улыбаться.

По ходу я наблюдал за жизнью города и машинально из всего увиденного делал выводы. Прошли мимо Готенгарда (торгового двора для северян), а там только шведы, которых совсем немного. Миновали пару переулков, и на каждом усиленный патруль из городских ротников в полном боевом снаряжении. Значит, городские власти нас опасаются, и правильно делают. Лет сто назад викинги в Новгород пришли, вроде на торги. Быстро разбежались по городу и с помощью предателей захватили его. Вот с тех пор новгородцы и не расслабляются. В Детинце сейчас наверняка пара сотен готовых кинуться в бой воинов, а по городу стражу усилили. Всё верно, так и должно быть. И если Рарог когда-нибудь разовьётся и превратится в серьёзный город, у меня всё будет точно так же.

Не спеша мы дошли до многолюдного торгового двора, и Дарья повела меня к ближайшему прилавку, где продавали одежду для рядовичей. Однако я покачал головой, усмехнулся и двинулся дальше, туда, где находились богатые лавки. Зашли в одну, ничего не глянулось. В дру-

гую, и снова ничего. А вот в третьей нас встретили как дорогих гостей, и я велел местному приказчику и его помощникам, молодым смешливым девам, одеть Дашу, как боярыню. Девушка смутилась, а приказчик расплылся довольной улыбкой. Я, оставив вместе со своей спутницей пару воинов, решил пройтись.

Торг был богатый, но я нигде не задерживался. Походил, присмотрелся к товарам, а затем оказался в углу, где продавали рабов. В основном здесь люди сами себя продавали в обельные холопы, которые в обществе славян являются низшей кастой, хоть в Киеве, хоть в Новгороде, хоть на Рюане. Но в этот раз выставлялись не свои соплеменники, этих как раз не было ни одного. Видать, год урожайный, а может, просто осень, и пока ещё есть чего на зуб положить. Зато здесь имелись воины из племени хеме (емь), которых свои же сородичи выдали новгородцам по условиям мирного договора.

Ну, стоят мужики, да и ладно. Думал мимо пройти, однако совершенно неожиданно из толпы военнопленных меня окликнули:

– Демон, постой!

Разумеется, никакой я не демон. Однако крик был предназначен именно мне – это я уловил сразу. Поэтому остановился и обернулся к хеме. Глаза скользнули по лицам сильно избитых грязных людей, и знакомых я не нашёл. Да и откуда у меня знакомые среди этих северных лесовиков? Нет таких. Но я ошибался.

Из толпы выбрался пожилой, сильно исхудавший брюнет. На голове колтун тёмных волос, в которых видна запёкшаяся кровь, глаза дикие и голодные, тело прикрыто драной рубахой, руки и ноги повязаны кожаными кандалами, такими, что не разорвёшь. Кто он такой, я сначала не понял. Лицо вроде знакомое, но где видел, вспомнил не сразу.

«Это же вождь хеме, который руководил налётом на Водьку! – осенило меня. – Верно говорят, что мир тесен. Нате вам, Вадим Андреевич, очередной привет из прошлого».

Вожак хеме молча смотрел на меня, а я на него. Наконец он опустил глаза, а подскочивший к нему стражник древком копья отпихнул бывшего боевого вождя обратно в толпу и прокричал:

– Назад, чужь белоглазая!

– Тихо, – остановил я новгородца. – Беды нет. Всё хорошо.

Стражник хмыкнул и отошёл, действительно, всё спокойно, и пока никто никого не убивает. А хеме вновь сделал шаг ко мне и залопотал по-своему:

– Я знаю, что ты демон, и понимаю, что моя удача ушла вместе с тобой.

– И чего ты хочешь? – спросил я пленника на его родном языке.

– Дай мне возможность служить тебе. Только так я смогу вновь обелить своё имя перед сородичами, которые объявили меня и других вождей виновниками неудачной войны с новгородцами.

– А зачем ты мне?

– Вам, венедам, нужны воины, мне это известно. А я воин и хочу погибнуть как мужчина, а не как раб.

– Откуда ты знаешь, что венедам потребны бойцы?

– Незадолго до того, как нас, – он кивнул за спину, – отдали в рабство, по племенам прошлись ваши волхвы и ученики шамана Коскенена, которые звали мужчин на большую войну. Однако за ними никто не пошёл, слишком большие потери у хеме, а сейчас мне и другим воинам терять нечего. Всё равно конец. Загонят куда-нибудь в болото руду добывать, и зиму нам не пережить. Выкупи нас, а мы тебя не подведём и не предадим. За нами много зла и крови, но за всё содеянное мы уже ответили жизнью близких. Поверь мне, демон, и дай нам возможность умереть, как людям.

– Как тебя зовут?

– Калеви Лайне.

Я задумался. Лично мне хеме ничего плохого не сделали, а воины нужны. Векомир правильно сказал, что надо брать всех, кто под руку подвернётся. А тут сразу полсотни человек, которые быстро восстановятся и смогут взять в руки оружие. И пусть это небольшая сила, но если каждый из них убьёт хотя бы одного католика-крестоносца, это минус полсотни мечей у врага. Значит, думать нечего. Надо взять воинов племени емь под свою руку, понаблюдать за ними и только после этого определяться с их судьбой. Покажут себя с хорошей стороны, получают в руки клинки, а нет, тогда на меловой карьер под Рарогом отправятся. Да, так и сделаю.

– Бус, – обратился я к одному из варягов своего сопровождения и кивнул на военнопленных, – выкупи всех, кто в состоянии самостоятельно передвигаться, и отведи на наш постоянный двор. Определишь их в амбар и прикажешь накормить. Кандалы пока не снимать. Вечером вернусь и тогда решу, что с ними делать.

– Понял.

Бус Оселок, широкоплечий кареглазый крепыш из варягов, вместе с двумя воинами остался, а я направился в лавку, где находилась Дарья. Одежду купили, теперь очередь за украшениями, среди которых я больше всего выделяю те, которые сделаны местными умельцами с использованием речного жемчуга. Красота к красоте, как говорится, и если имеется возможность порадовать дорогую сердцу девушку, я её не упущу.

Глава 4

Шпейер. 1147 от Р. Х.

Король Священной Римской империи Конрад Третий, крупный русоволосый мужчина с густой проседью в бороде и усах, заложив руки за спину, стоял у высокого стрельчатого окна на втором этаже своей резиденции в городе Шпейере. Рядом с ним находился его единокровный брат герцог Фридрих Швабский по прозвищу Одноглазый. Подобно своему младшему брату-королю, коему он некогда по доброй воле уступил трон, герцог наблюдал за проходящей мимо здания процессией из сотен простолудинов с деревянными крестами в руках, во главе которых шёл худой монах в белом цистерцианском балахоне, хмурился и порой поглаживал чёрную повязку на левой глазнице. Два представителя рода Гогенштауфенов и самые влиятельные люди в империи молчали. Они привыкли взвешивать и обдумывать каждое своё слово, поэтому не торопились. Однако вскоре процессия из нищих религиозных фанатиков, которых вёл к городскому собору проповедник Бернар Клервоский, прошла мимо. Покрытая редким снегом зимняя улица, которую продували холодные ветры с Рейна, опустела, и братья расположились у жаркого камина. Немедленно появились слуги, которые принесли королю и герцогу горячее вино со специями. Сделав пару мелких глотков, Конрад усмехнулся. Фридрих это заметил, кинул на брата косой взгляд и спросил:

– Что-то не так?

– Да, – кивнул Конрад. – Наши шпионы во Франции докладывали, что Бернар Клервоский чудотворец, пророк и через него с людьми говорит сам Господь Бог. Ему очень быстро удалось убедить нашего соседа Людовика Седьмого выступить в Крестовый поход, и где бы он ни появлялся, каждый, кто его услышит, невзирая на происхождение и род своих занятий, бросает всё, что имеет, и готовится отправиться на берега Венедского моря. И вроде бы люди, которые поставляли эти сведения, вполне надёжные. Но, судя по всему, даже они могут ошибаться. Вот уже неделю Бернар находится в Шпейере. За это время я несколько раз давал ему аудиенцию, и день ото дня этот франк падает в моих глазах всё больше. На нашем языке он разговаривает с жутким акцентом, а речи его хоть и яростны, но в них нет ничего сверхъестественного. Обычный священник, набожный, начитанный и фанатичный. Как такому человеку могли предлагать папское кресло, не понимаю!

– Ты прав, брат, – согласился герцог. – А с Людовиком всё ясно. Он человек храбрый, но когда дело касается его неверной жены или веры, король Франции превращается в барана, которого легко можно отвести на бойню. Бернар этим воспользовался и смог направить его в нужную церкви сторону. Мы же с тобой не такие простаки, и лично мне проповедник тоже показался самым обычным человеком. Нет в нём искры божьей, а значит прислушиваться к его словам не стоит.

– Дело не только в речах. При более благоприятных обстоятельствах я был бы не прочь сходить в поход на сарацин или язычников. Этим заработал бы себе славу и душу от грехов очистил. Просто время не то, и у меня накопилось немало претензий к матери нашей церкви.

– Ты всё ещё надеешься на получение императорской короны?

– Конечно. Я должен взять то, что принадлежит мне по праву, ибо железная корона лангобардов совсем не то же самое, что императорский венец. Поэтому я не желаю больше слышать ни о каком Крестовом походе. Армия собрана, и весной мы двинемся в Италию, которая станет моей, а заодно и до папы римского Евгения Третьего доберусь.

– А если папа не захочет объявить тебя императором или сбежит под защиту своих верных сторонников сицилийцев?

– Тогда в Риме появится антипапа, который сделает всё, что я пожелаю. Ты со мной, брат?

Король посмотрел на герцога. Взгляды двух Гогенштауфенов встретились, и Фридрих сказал:

– Да, мой король. Я с тобой. Однако проблема не исчезнет. Через наши земли на север двинется Крестовый поход, и мы просто обязаны отправить часть своих сил вместе с ним.

– Отправим. – Конрад сделал очередной глоток вина и добавил: – Пошлем тех, кто против нас или проживает рядом с язычниками.

– А кто возглавит эти войска?

– Выбор очевиден. Юный Генрих Лев и наш старый противник Альбрехт Медведь.

Фридрих поправил повязку на пустой глазнице – это было знаком его глубокой озабоченности – и скривился. А король спросил:

– Ты считаешь, что я не прав?

– Есть опасность, что Альбрехт Медведь усилится за счёт новых завоеваний. Так что, как бы нам самих себя не перехитрить.

– Это вряд ли. Помнишь, я вызывал к своему двору рыцарей, которые были в походе вместе с Фридрихом Саксонским и Адольфом Шауэнбургским?

– Помню.

– Так вот, брат, я много с ними общался, а потом вёл переписку с архиепископами Бремена, Гамбурга и Магдебурга. После чего сделал кое-какие выводы.

– Интересно, какие?

– За последние пять лет венеды очень сильно изменились, и сейчас они готовы к тому, что против них выступит большая часть Европы. Язычники объединились вокруг Руяна, увеличили численность своих войск, обезопасили тылы, отловили наших шпионов, построили немало крепостей, выбрали великого князя и стали использовать для войны наёмников. Всё это говорит об одном: они не намерены сдаваться. Поэтому всякий, кто отправится на север, в первую очередь должен думать не о том, как бы заполучить для себя новые земли и пополнить казну, а о сохранности собственной шкуры.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь силу венедов, – не согласился с королём Фридрих. – Да, некогда северные язычники были сильны, но сейчас всё иначе. Венеды долгое время отступали, а нашим священнослужителям и пограничным владетелям удавалось стравливать их между собой...

– Они смогли задавить датчан и разорить Верхнюю Саксонию, – оборвал Одноглазого младший брат. – И они разгромили войска трёх далеко не самых слабых имперских графов.

– Это последний успех язычников, частная победа, которая ничего им не даст, ибо против Крестового похода им не выстоять.

– Посмотрим.

Фридрих решил не спорить с братом, а покосился в сторону окна и поинтересовался у Конрада:

– Кстати, а где сейчас рыцари, с которыми ты разговаривал?

– Тоже желаешь с ними пообщаться?

– Да.

– Почти всех я отправил обратно на север, а при мне остались только двое. Суровый вояка из Миндена рыцарь Рупрехт фон Штеффен и совсем ещё юнец Седрик фон Зальх. Если заинтересуешься, я пришлю их к тебе.

Братья помолчали, допили вино, и герцог спросил Конрада:

– Наверное, пора отправляться в собор?

– Пожалуй. – Король встал. – Сегодня первый день нового года. Надо веселиться и радоваться, а мы с тобой сидим и думаем о каких-то там северных язычниках.

Конрад и Фридрих отправились в свои покои, где переоделись в праздничные одежды, и вскоре в сопровождении большой свиты и наследников, королевского сына Генриха и герцогского Фридриха, покинули резиденцию и направились к собору. Сотни рыцарей были рядом с королём и его братом. Сияло начищенное оружие и доспехи. Знамёна с гербами и гордыми девизами самых древних и прославленных родов Священной Римской империи развевались на ветру. Фыркали покрытые шитыми попонами благородные породистые лошади, каждая из которых стоила как хорошая деревенька с трудолюбивыми сервами. Король был впереди, и горожане Шпейера, стоя возле своих домов, приветствовали его и надеялись на скорую праздничную раздачу подарков. Лёгкий мороз взбадривал людей и лошадей, а полуденное зимнее солнце висело над головой Конрада Третьего, и он улыбался.

Однако, лишь только королевская свита приблизилась к собору, монументальному строению из красного песчаника с четырьмя башнями по углам, которое было построено на месте древнего кельтского святилища, посвящённого богине с варварским именем Нантосвелта, как на его лицо снова легла тень. Помимо дворян, которые по зову короля съехались на большой сход в Шпейер, вокруг собора теснились толпы голодранцев. Между ними сновали появившиеся в городе вместе с Бернаром Клервоским цистерцианцы, а недалеко тесной группой стояло несколько десятков рыцарей-тамплиеров. Присутствие чужаков не нравилось королю, но пока он их терпел. Вот только терпение его было на исходе. Поэтому сегодня, сразу после торжественной литургии, Конрад намеревался ещё раз поговорить с настоятелем Клерво и в мягкой форме намекнуть Бернару, что ему пора отправляться обратно во Францию. В голове он уже давно сложил этот разговор и знал, что ему скажет цистерцианец, и король был уверен, что всё произойдёт именно так, как он решил. Бернар покинет Германию, а он продолжит готовить поход в Италию и уже осенью этого года станет императором.

Снова напустив на себя весёлый и беззаботный вид, король спрыгнул с лошади и направился в собор. Слева был брат, а справа – его гордость и надежда, юный сын Генрих. Именно ему король намеревался со временем передать всё, что он завоевал и приобрёл за свою непростую жизнь, а семейство брата Фридриха, вслед за которым шагал его наследник, поддерживает Генриха и даст ему клятву на верность. Впрочем, всё это случится очень не скоро, а пока, продолжая улыбаться, король вошёл в величественный собор, прошёл к амвону, где расположились местные священнослужители, певчие и Бернар из Клерво, и остановился.

Помещение быстро заполнилось рыцарями, баронами, графами, бургомистрами, богатыми купцами и герцогами. После чего началась литургия. Юные певчие на латыни затянули славящую Христа песню, которая разнеслась под потолком обширного молельного зала. И эти голоса заставили всех присутствующих замолчать и подумать о спасении своей души, о жизни и смерти. Однако продолжалось это недолго. По команде Бернара Клервоского, которому германские священнослужители подчинялись, словно он сам папа римский, певчие смолкли. Король, видя это, исподлобья взглянул на наглого проповедника, который выступил вперёд, и подумал, что, судя по всему, цистерцианец опять начнёт проповедь о Крестовом походе и ему совсем не хочется выслушивать речь этого косноязычного франка, который не удосужился выучить немецкий.

Король оказался прав, Бернар собирался произнести проповедь. Однако он никак не ожидал того, что будет происходить в соборе далее. Проповедник замер, уверенным взглядом окинул море из человеческих голов и на чистом немецком языке, словно он коренной житель Священной Римской империи откуда-нибудь из Швабии или Франконии, прокричал:

– Братья во Христе! Слушайте меня! Все, кто верит в Господа Бога нашего Иисуса Христа! К вам взываю я!

Сотни людей замерли. В соборе наступила небывалая тишина, а Конрад Третий сосредоточил всё своё внимание только на Бернаре и в удивлении приподнял левую бровь. Проповедник отметил, что привлёк внимание имперских аристократов, и продолжил:

— Братия, я, скромный служитель церкви, зову вас на совершение подвига. На севере размножились богомерзкие язычники, которые отрицают существование нашего Бога. Они погрязли во грехе и скверне. Они вершат богомерзкие обряды, глумятся над христианскими святынями, уводят в рабство мирных людей и плюют на веру нашего Спасителя. Своими деяниями язычники приближают Судный день и вводят во тьму идолопоклонства слабых духом католиков. Потоки крови лучших сынов Швеции, Дании и Германии, которые встали против зла и сатанинской веры, были пролиты на землю. Однако все они умерли не напрасно, а во имя Царства Небесного, во имя Господа нашего, во имя Христа и Девы Марии, во имя благодати. Каждый из них сейчас в раю, смотрит с небес на нас с вами и вызывает о справедливой мести врагам нашей веры, проклятым язычникам, которые поклоняются деревянным многоликим идолам, на губах коих кровь христианских младенцев, принесённых им в жертву. Нельзя терпеть эти сатанинские обряды и невозможно попасть в рай тем, кто не готов с оружием в руках выступить против врагов истинной веры. И это говорю вам не я, а сами ангелы небесные доносят через меня вам своё слово.

В это время воздух в соборе сгустился, стал каким-то вязким и неприятным, настолько, что кожа католиков покрылась холодными пупырышками. Проникающий в помещение через окна солнечный свет померк, будто за окном не ясный полдень, а глубокие вечерние сумерки. По углам молельного зала заматались тени, а глаза проповедника засияли огнём. Все, кто находился в церкви, увидели это, а кто-то даже смог разглядеть бесплотную фигуру за спиной Бернара Клервоского. Души людей затрепетали, а их сердца замерли. Ужас и великое благоговение воцарились среди них, а король, который смотрел прямо в полыхающие неземным огнём глаза цистерцианца, был готов упасть перед ним на колени и попросить прощение за всё: за несправедливые поступки, за убийства и казни врагов, за неверие и упрямство. Однако пока он ещё держался на ногах и продолжал слушать речь проповедника, устами которого, без всякого сомнения, говорили посланники Бога:

— Язычники не щадят церквей. Они не признают прав католиков на Любек и Ольденбург, не чтят седин, насилуют наших чистых женщин-католичек, и у них нет чести. Эти сатанинские отродья копят силы и готовятся нанести по нам новые удары. Но не позволит Господь совершиться злу и не восторжествует оно на развалинах этого храма, который находится в глубине германских земель, ибо есть у матери-церкви защитники. Это вы, мои братья, и я говорю вам, встанем все, как один! Отложим в сторону свои мирские заботы и дела, возьмемся за оружие и посвятим себя ратному труду. К битве за веру призывает вас Бог. Так обретите мужество, возьмите щит веры и шлем спасения, и укрепленные примером Господа нашего, положившего за нас, грешных, собственную жизнь, не щадите свою. Нашивайте на одежды кресты и вооружайтесь, вставайте под знамёна Крестового похода и ни о чём не печальтесь! Ведь если Господь претерпел смерть для человека, будет ли человек медлить с принятием смерти за Господа? Нет, мы непоколебимы в нашей вере и докажем это делом! Вступайте в могучее и непобедимое Христово Войско, и вы обретете место в раю, где каждого истинного христианина ждут нетленные богатства и спасение души. Готовьтесь к битвам и помните, что Господь обещает каждому вставшему на путь Рыцаря Христова полное прощение всех его грехов, в коих он раскается устами и сердцем, а также увеличение надежды на вечное спасение в качестве воздаяния. Не опасайтесь злословия неверующих и сомневающих. Не страшитесь препятствий на своём пути. Отряхните всякую суету души своей и ступайте в бой, который принесёт нам неминуемую победу, ибо не может быть иначе, если воин Господа сражается за веру и сами ангелы небесные парят над крестоносным воинством.

Голос Бернара становился всё сильнее, а имперские вельможи и рыцари впадали в религиозный экстаз. Сам король едва не упал, и только помощь брата, поддержавшего Конрада Третьего, не давала ему потерять лицо. Проповедник в это время сделал шаг вперёд, подобно птице, взмахнул широкими рукавами своего белого балахона и провозгласил:

– Чую! Сам Иисус Христос входит в моё тело!

Бух-х!!! – Католики дружно опустились на колени, и только Конрад с близкими людьми и родственниками да священнослужители всё ещё продолжали стоять.

Цистерцианец вновь шагнул по направлению к Конраду и обхватил его за плечи. Фридрих Одноглазый и сын короля мгновенно отступили в сторону и тоже преклонили перед Бернаром колени. А настоятель Клерво, глаза которого продолжали гореть огнём, обратился к государю Священной Римской империи:

– Человек! Я дал тебе всё, что мог дать: могущество, власть, всю полноту духовных и физических сил. И какое же употребление ты сделал из всех этих даров для службы мне? Скоро язычники распространятся по всему миру, говоря, где их Бог, и тьма опустится на государство твоё. Этого ты хочешь?!

Из глаз короля хлынули слёзы. Он всё же рухнул на пол, прижался губами к пропылённому скапулярию цистерцианца и воскликнул:

– Довольно! Я буду служить тому, кто искупил меня! Душа моя и тело принадлежат только Господу, и я буду рад отдать их ему! Прости меня за неверие и сомнения, Господи! Наставь на путь истинный и укажи дорогу к спасению! Клянусь, вся моя жизнь отныне будет посвящена только тебе! Клянусь!

– Слушай моего верного слугу Бернара, – прогрохотал над сводами собора голос Бога. – Он поведёт тебя и укажет путь! Прощай и помни, я наблюдаю за тобой! От взора моего не укрыться, и если ты нарушишь свою клятву, то будет проклято твоё семя! Ступай со своими воинами на север, уничтожь нечестивых язычников, сожги их нечестивые капища и освободи берега Венедского моря от следов Сатаны, ибо это твой крест и твой Иерусалим!

– Да, мой Господь! – выдавил из себя король. – Я сделаю всё так, как ты мне приказал!

Произнеся это, Конрад почувствовал, что теряет силы, и стал заваливаться на бок. Глаза Бернара Клервоского померкли и утратили блеск огня. Проповедник, которого покинул дух Господа, снова стал человеком и удержал короля от падения. Это была странная картина. Измождённый темноволосый аскет в белом балахоне и чёрном фартуке. Перед ним коленопреклонённый воин в украшенном золотыми гербами и подбитом новгородскими соболями плаще, а вокруг – сотни людей, которые были ошарашены и готовы прямо сейчас вскочить на коней и отправиться на войну с венедами, о коих многие из них до сегодняшнего часа ничего не слышали. Впрочем, вскоре имперские дворяне и купцы начали вставать с колен. Конрада Третьего, который попробовал подняться, вновь подхватили родственники, а Бернар Клервоский отступил назад.

Спустя несколько минут в молитвенном зале вновь воцарился свет солнца. Король обернулся к своим подданным, отдышался, собрался с духом и, как можно громче, произнёс:

– Все вы слышали речь Господа нашего и мою клятву! Я подтверждаю свои слова и приказываю в начале второго весеннего месяца всем рыцарям и дворянам империи собраться в городе Хильдесхейм! Мы объявляем проклятым язычникам Священную войну и двинемся на них Крестовым походом! Таково моё решение, коему каждый человек, кто находится здесь, живой свидетель!

– А-а-а-а!!! – прокатился по собору рёв сотен здоровых глоток.

– В поход!!!

– Хвала Господу!!!

– Слава королю!!!

– Да здравствует Святой Бернар!!!

– Крещение или смерть!!!

– Убьём врагов нашего Господа!!!

Конрад, выслушав крики имперских аристократов, молча направился к выходу. Родственники и свитские последовали за ним, и вскоре он возвращался обратно в свою городскую резиденцию. Народ уже знал о том, что произошло в соборе, и ликовал, а король встряхивал головой, словно от удара палицы, и никак не мог прийти в себя. Он вспоминал горящие нечеловеческим огнём глаза проповедника, который неожиданно стал разговаривать на немецком, хотя ещё вчера не мог правильно связать два коротких предложения. А ещё Конрад пытался разобраться в том, действительно ли с ним разговаривал сам Иисус или это был ловкий трюк проповедника. Но от мысли, что его обманули, он отмахивался, слишком реальным было всё происходящее – и душевный трепет, и взгляд Бернара, и рвущиеся из его души слова клятвы, которую Конрад собирался исполнить, хотя ещё пару часов назад Крестовый поход его не интересовал.

Прерывая размышления короля, рядом пристроился Фридрих Одноглазый. Конрад посмотрел на него и тяжело вздохнул:

– Вот так, братец, против воли Господа, оказывается, не погрёшь.

– Да, – согласился герцог и спросил: – Что будем делать?

– Завтра соберём военный совет и начнём переброску войск от южных границ к северным. Склады с продовольствием и оружием должны быть организованы в Хильдесхайме. Одно временно с этим объявим о сборе ополчения и начнём вербовать наёмников, а также пошлём своих людей к франкам, с которыми необходимо обговорить совместные действия. Воевать придётся всерьёз, поэтому в Крестовый поход отправимся вдвоём.

– А кто останется вместо тебя?

Король обернулся, поймал взгляд сына и кивнул ему:

– В ближайшие дни будет оглашён мой указ, согласно которому ты станешь моим соправителем.

– Слушаюсь, отец. – Генрих нахмурился. – Но, честно говоря, мне бы тоже хотелось пойти с тобой в поход.

– Ещё успеешь. – Конрад вновь посмотрел вперёд, ударил по бокам своего крупного фламандского жеребца и помчался в сторону резиденции.

С того момента, как он покинул собор, король считал, что он уже на войне, и не собирался тратить драгоценное время на пустые беседы.

Глава 5

Зеландия. Зима 6655 от С. М. 3. X.

Сегодняшнее утро началось с того, что во главе воинов моей дружины я бежал по хорошо утоптанной дороге. Под тяжёлыми армейскими ботинками поскрипывал снег, а в распаренное лицо бил холодный морской ветер. За плечами висел рюкзак с грузом в двадцать пять килограмм, а позади пыхтели дружинники. Утренний забег подходил к концу, и люди торопились поскорее попасть в тепло. Шаг и бег, постоянная смена темпа. Сегодня бежали десять километров, а по зиме это расстояние более чем приличное. Поначалу воинам было тяжело привыкнуть, что чуть свет их выгоняли на физзарядку. Однако со временем это вошло в привычку, отлынивать от пробежки в дружине Рарога стало считаться слабостью, и ветераны сами взбадривали новичков. Что же касается меня, то подобная разминка даже в радость. Бежишь и ни о чём не думаешь. В голове нет ни одной посторонней мысли, и на душе спокойно, а когда останавливаешься, тут-то заботы и наваливаются, да так, что не продохнёшь.

Передовая сотня вбежала в распахнутые настежь ворота Рарога. С башен за нами пристально наблюдали дозорные, мало ли, вдруг кто чужой к общему строю прилип. Это, конечно, вряд ли, поскольку все окрестности под нашим полным контролем, но порядок есть порядок. Служба должна нестись справно, а за невнимательность можно ответить не только кошельком, но и жизнью. Каждый воин это понимает, благо охранники города-крепости из старожилов не первый год службу тянут. Все они давно обзавелись семьями или перетянули сюда близких. Поэтому для них Рарог не только твердыня на окраине Венедии, но и дом, в котором живут жёны и дети.

За первой сотней в город влетела вторая. Далее третья, четвёртая и пятая. Конники из степняков и отряд Берладника в это время занимались выездкой своих лошадей и появятся немного позже, когда варяги, пруссы и киевляне закончат зарядку и отправятся на завтрак. Всё как обычно, и, напомнив сотникам, что через час состоится ежедневный военный совет, я сбросил рюкзак и покинул колонну. Воины направились на специально оборудованную спортплощадку рядом с казармами, где обосновались неженатые дружинники, а я, всё так же бегом, рванул к своей хижине, просторному трёхэтажному терему в центре города рядом с храмом Яровита.

Меня уже ждали. Банька натоплена, а жёны, которые на удивление быстро смогли найти общий язык и неплохо ладили, наверняка накрывали на стол. До завтрака ещё пятнадцать – двадцать минут, и я вошёл в предбанник. Здесь скинул промокшие ботинки и сырую одежду, остался в чём мать родила и нырнул в жарко натопленную парилку.

Для начала опрокинул на себя тазик с тёплой водой, которая смыла с меня пот, и сразу же пришло облегчение. Я сел на широкую дубовую лавку, вытянул перед собой подрагивающие ноги и стал вдыхать аромат висящих по углам берёзовых веников. Благодать! Жив и здоров, сил немерено, дом – полная чаша, есть дружина и корабли, казна и своё хозяйство. Рядом две прекрасные женщины и дети. Можно жить – не тужить. Но зима на исходе, и скоро начнётся война. По сообщениям из Европы, которые поступают из разных источников, германцы и французы уже собирают в кулак силы и вскоре тронутся в путь, и я, вместе с наиболее подготовленными к партизанской войне венедскими вожаками, двинусь им навстречу.

Снова вернулись беспокойные мысли, и захотелось вскочить на ноги. Для чего? А для того, чтобы ещё раз проверить людей и заставить их пошевеливаться. Однако я себя сдержал. Не надо лишней суеты. Воины тренируются, хозяйство работает в интересах дружины, а жрецы Святовида исправно пересылают деньги на оплату наёмников. Приказы отданы,

и жители Рарога, что военные, что гражданские, о надвигающихся крестоносцах знали не хуже меня. Поэтому подстегивать никого не надо. Это факт, дёргаться не стоит, и я стал спокойно мыться, приводить себя в порядок и вспоминать о том, что было сделано за осень и зиму...

Из Новгорода я вернулся с молодой женой и новыми воинами: четырьмя сотнями степняков, дружиной Берладника, киевлянами и полусотней лучших бойцов племени хеме. К этому времени в Рароге уже построили дополнительные казармы с конюшнями и заготовили корм для лошадей, сено и овёс. Вновь прибывшие воины были устроены, а вскоре большими торговыми кораблями из Дубина и Волегоща вместе с сёдлами и уздечками нам доставили лошадей. Надо отметить, очень хороших, ибо не зря в Европе и по всему Венедскому морю ценятся славянские и прусские кони, умные, выносливые и сильные четвероногие друзья, потомки степных скакунов, которые принесли наших предков с Урала и Волги в западные и северные земли.

Практически сразу же начались совместные тренировки кавалерии и пехоты, и здесь я не придумывал ничего нового. Есть наработанная тактика по рейдам венедов во времена Мстислава Первого, память о продвижении по Европе войск Атиллы и пример партизан Великой Отечественной войны – Доватора и Ковпака. Эти методики были наложены на немалый опыт Берладника и степных атаманов, которые знали толк в военном деле, и всё определилось само собой. Конница ведёт разведку и совершает дерзкие налёты, а пехота движется следом, зачищает окрестности, отлавливает спрятавшихся в чащобах беглецов и штурмует замки. А поскольку обычный дневной конный переход по пересечённой местности составляет тридцать – тридцать пять километров, пехота вполне за ней успевает. Вот степь – это разговор иной, но нам предстоит действовать в покрытой лесными массивами Верхней Саксонии, так что проблем в разнице скоростей возникать не должно. Пешие сотни, которые в бою наверняка захватят телеги, обеспечивают коннице прикрытие и отдых, а всадники налетают на врагов и создают у противника ощущение, что славяне повсюду. При этом за добычу мы цепляться не станем. Основная цель в ином – разгромить вражеские обозы, уничтожить живую силу крестоносцев, в первую очередь профессиональных вояк и рыцарей, пожечь деревни, которые могут стать для католиков опорными точками, вытоптать поля и добыть ценных пленников.

В общем, боевое слаживание пошло своим чередом. В поход должны были выдвинуться одиннадцать сотен воинов: полтысячи конников и шесть сотен пехоты. Командиры справлялись без меня, и я отправился на Руян, где проходил большой совет князей, на котором были оглашены планы по ведению грядущей военной кампании. Сход прошёл деловито. Вожди племён, понимая, что вместе они – сила, заранее определились в своих действиях и разбили зоны ответственности. Рагдай Померанский должен держать границу с поляками и в случае выступления ляхов собирался налететь на приграничные города Санток и Любуш. Прибыслав оборонял земли лютичей и продолжал оставаться великим князем, который будет координировать действия всех венедов. Мстислав Виславит посылал в Ла-Манш несколько вольных ватаг, а сам вместе с варягами, шведами, пруссами и прочими восточными наёмниками отправлялся в Зверин. Никлоту же предстояло командовать диверсантами, которые встретят крестоносцев на их территории, и готовить своё княжество к войне, ведь как ни посмотри, но основной удар католиков обрушится именно на бодричей.

Такие вот планы, и, если коротко, мне предстояло находиться в оперативном подчинении Никлота. Я против этого ничего не имел и, получив от него указания, когда мне необходимо высадиться на берег в районе разрушенного Ольденбурга, отбыл обратно в Рарог. Ну, а чего? Партия сказала надо – комсомол ответил есть. Приказ дан, цели намечены. Так что я прогуляюсь по германским землям от моря до Гамбурга, а когда прижмут, начну отход. Почтовые голуби имеются, а значит, в угол меня не зажмут, могу от морского берега уйти

или к бодричам оттянусь. Опять же рядом соседи, Громобой и Вартислав, дружины коих состоят из бодричей, которые могут и конным строем и пешим биться, так что не пропадём.

Вновь я в Рароге. Начинался месяц студень (январь), и я на время, предоставив своим командирам самостоятельно руководить дружиной, погрузился в дела хозяйственные. В первую очередь меня конечно же интересовало производство огненных смесей и успехи алхимиков, которых контролировали волхвы, и ученики Ромуальда Бургосского меня порадовали. Производство «греческого огня» достигло сорока литров в месяц, а это примерно восемьдесят огненных гранат. Можно было бы и больше делать, но ингредиентов для производства маловато, так что приходится ужиматься. Впрочем, к этому времени у меня уже появился чёрный порох, который алхимик из Бургоса и его ученики называли дым-порошок, и под моим руководством были проведены испытания первых ручных бомб, которые начинялись гвоздями. Результаты достаточно скромные – шум, дым и разлетающиеся в радиусе пяти – семи метров куски металла. Но это лучше, чем ничего, и это начало, так что не зря я вытаскивал молодых алхимиков из Брюгге, глядишь, через пять-шесть лет первую примитивную пушку отольём, а пока есть бомбы, и они нам пригодятся.

Кроме того, алхимики показали моим мастерам и волхвам, как производить кислоты – азотную, соляную и серную. Европейским алхимикам они известны уже более ста лет, и это опять же задел на будущее, хотя кое-что я собирался применить уже этим летом. Например, концентрированную серную кислоту, она же купоросное масло. Эта дрянь очень неплохо разъедает металлы и оставляет на коже человека поганые уродливые раны. Вот я и подумал, что крестоносцы очень удивятся, если увидят кислоту в действии. Наверняка закричат о колдовстве, а нам это на руку. Да и соляная кислота, при правильном применении, может себя хорошо показать. Ведь, если я не ошибаюсь, при реакции с диоксидом марганца и перманганатом калия она образует токсичный хлор в виде газа. Вот вам и химическая война, не сейчас, само собой, потому что опять-таки всё упирается в ресурсы и количество кислот, а лет через пять, когда появятся специалисты этого узкого профиля и свинцовые производственные камеры.

Впрочем, на научно-техническом прогрессе я не закикливаюсь. Войны, по крайней мере, сейчас выигрывают люди, а не пушки, пулемёты, танки и ракеты, которых пока нет. Сила духа, воинское мастерство, правильная тактика, слаженность действий бойцов одного отряда, дерзость и талант полководца. Вот что приносит победу, а достижения химии и инженерной мысли – это, как я уже неоднократно говорил, процесс вспомогательный. Неуверенному в себе человеку в драке против уличных грабителей даже автомат не поможет, ствол отберут, чтобы не размахивал им. И совсем другое дело – уверенный в себе, хорошо подготовленный боец, который подручными средствами всех на куски распластает и после этого без угрызений совести продолжит жить дальше. Да, возможно, ему придётся сидеть в сумрачном здании с решётками на окнах, но он останется жить, а его противник будет гнить в могиле, и этот частный пример может быть применён почти ко всему, что нас окружает. Как некогда сказал князь Олег Вещий, «кто слаб душой и воли не имеет, тому судьба влачить ярмо раба». Он был прав: главное – осознание своей внутренней силы и чёткое понимание того, ради чего человек живёт и к чему стремится. У нас, вождей Венедии, такое понимание есть – мы хотим уничтожить врага, сберечь родную землю и сохранить людей, которые идут за нами. Ради этого мы станем драться не на жизнь, а на смерть и к этому будем стремиться.

После алхимиков, которые освоились со статусом подневольных специалистов, вынужденных передавать свои секреты венедам, я посетил учебку варогов. Здесь провёл смотр полусотни юных датчан, которые должны участвовать в войне против католиков, и убедился, что они готовы зубами рвать крестоносцев. За минувшие годы вароги превратились в ярых почитателей Яровита, и для них был только один авторитет – хозяин Рарога вождь Вадим Сокол, слово которого равнозначно воле небес. Вот так я стал почти пророком.

Скажу варогу: «Умри», – и он умрёт, ибо в его голову крепко вбито, что неисполнение приказа – трусость, которая отсекает воина от лучшей доли на небесах. Честно говоря, сам не ожидал, что так получится, но кое-что у меня вышло. Первая партия неплохо подготовленных молодых фанатиков с нетерпением ждала отправки на войну, и если вароги покажут себя хорошо, нужно будет набирать новых.

После варогов я посетил лесопилку, которая совместными трудами Карла Ван-Мейера, киевских умельцев и кузнецов была поставлена в лесах и начала выдавать первые пиленные доски. Затем проехался по деревням и поговорил со старостами, которые хвалились урожаем и приплодом скотины. Кстати, для сидящих на земле людей это несвойственно, ибо хозяин земли обычно рассматривается как человек, который может всё отобрать. Но я к ним по совести, и они ко мне со всей душой.

Далее я проверил спиртзавод, куда назначил постоянного начальника – хваткого и прижимистого суздальца-эмигранта Симеона Уголька. Потом навестил рыбаков и мельников, корабелов и кузнецов, ткачей и производителей бумаги, а также гончаров и пошивочных дел мастеров, которые шили для войска униформу и рюкзаки. Побывал в торговой фактории ладожских Соколов и трактирах, озаботился заготовкой продовольственных припасов на весну и лето. И так пролетел месяц.

Снова я оставил хозяйство, которым стал руководить перетащивший в Рарог родственников главный интендант Гаврила Довмонтов, за коим присматривал Ставр Блажко, и опять присоединился к военному сегменту моей структуры. Ранний подъём, зарядка, завтрак, развод на занятия и обсуждение текучки. Потом обед, короткий отдых в кругу близких, тренировки с лучшими воинами, обход казарм, разговоры с дружинниками, ужин и ночь в спальне одной из любимых женщин. В общем, размеренная жизнь успешного феодала, которая подходит к своему логическому концу. Со дня на день начнётся оттепель. Из Арконы или Зверина прилетит голубь с весточкой – и вперёд! Всем грузиться на корабли! Курс на Ольденбург! Идём на войну!

Прерывая мои размышления, в предбаннике скрипнула половица. Я прислушался к эмоциям человека – это Дарья, которая принесла чистый комплект одежды. Значит, пора вылезать из парилки и отправляться на завтрак. Так и есть, дверь в баню открылась, и я увидел перед собой Дашу. Она, усмехнувшись, смерила обнажённого мужа игривым взглядом и сказала:

– Стол накрыт.

– А может, ну его, этот стол. – Я тоже улыбнулся. – Заходи, спинку мне потрёшь.

– Нет уж. – Дарья качнула русыми косами. – Знаю я тебя. Сначала спинку потри, а потом из бани только к обеду выйдем, и я виноватой буду, соблазнила вечно занятого воина своими прелестями.

– Да, – продолжая улыбаться, согласился я. – Так тоже может быть. Ладно, ступай. Я сейчас.

Жена ушла, а я покинул баню, надел мундир, обулся, прицепил на пояс меч и отправился в терем, прошёл в трапезную и сел во главе широкого продолговатого стола, который был заставлен едой и напитками. Каша и мясо, белый хлеб и мочёные яблоки, соленья и жареная рыба, свежее молоко, закваски и взвары. Что поделать, когда я дома и нахожусь в состоянии относительного покоя, то люблю поесть, и мои женщины, которые расположились слева и справа, об этом знают. Поэтому балуют меня, пока есть возможность, а я не отказываюсь, лопаю всё, что дают, а потом лишний жирок в поле сгоняю.

Завтрак прошёл как обычно. Мы ели, разговаривали о хозяйстве и детях. Однако в душе моих любимых было лёгкое беспокойство. Своим женским чутьём они понимали, что скоро нашей идиллии придёт конец и я должен буду их покинуть. И хотя они старались не показывать свою озабоченность, я её всё равно ощущал и потому старался быть весёлым и

беззаботным, аки молодой ягнёнок на первой весенней травке. Это их успокаивало и вселяло в Нерейд и Дарью уверенность в том, что всё будет хорошо. Муженёк отправится на войну и погуляет с мечом, а затем вернётся к ним и детям.

Я насытился и остался на месте. Служанки убрали со стола, а жёны отправились в детскую. После чего один за другим стали появляться командиры моих воинских контингентов и садились на места, которые считали своими. Ближе всех расположились Ранко Самород, Корней Жарко, Поято Ратмирович, Гаврила Довмонтов и Славута Мох со своим приёмным сыном Торарином, который вымахал в статного юношу и стал неплохим бойцом. Далее Орей Рядко, Илья Горобец и Гнат Твердятов. А в самом конце сели степные атаманы, Иван Берладник и вожак лесовиков Калеви Лайне.

Мой взгляд ещё раз пробежался по лицам суровых мужчин, и я начал совет:

– Значит, так, господа сотники. До нашего выступления времени осталось не много, самый большой срок – две седмицы. Куда мы выдвигаемся, вам известно. Что будем делать, тоже. Чему людей учить, понятно. Но есть у меня, как обычно, несколько замечаний, так что слушайте. Первое, степная конница. Чёрные клобуки до сих пор никак не усвоят, что не надо после обстрела противника и удачного налёта хватать мелкую добычу. Вчера отрабатывали захват вражеского обоза, и всё прошло хорошо. Но зачем же хапать с телег, что плохо лежит? Понятно, что я сам приказал действовать так, как привыкли. Однако помимо этого было сказано, что барахло нас не интересует. Ладно, захватили бы какого-нибудь знатного аристократа. Возможно, попалось бы серебро, драгоценности или золото, тоже неплохо. А вот одежду и простое оружие брать не надо. Для нас очень важна скорость, мы идём навстречу крестоносцам не ради добычи, тем более что воины её не получают. Это надо усвоить и крепко-накрепко вдолбить в голову каждого бойца.

Степные атаманы, к которым я обращался, одновременно качнули головой.

– Всё ясно, – ответил Данко Белогуз.

– Понятно, – вторил ему Юрко Сероштан.

– Привычка даёт о себе знать, – усмехнулся Твердята Болдырь. – Это мои люди на обозе пошалили. Больше не повторится.

– Вот и хорошо, – произнёс я, посмотрел на Берладника и продолжил: – Иван Ростиславич, к тебе тоже претензия имеется.

– Какая? – Князь слегка привстал.

– Зачем твои дружинники на последних учениях до конца за свою позицию цеплялись?

– А как же иначе? – удивился Берладник. – Если бы мы отступили, то «вражеская» конница ударила бы по пешим.

– Да. Но пешие не могли уйти, потому что ты стоял насмерть. Это не дело. За спиной пехоты был лес, и она могла легко в него оттянуться, но не сделала этого, поскольку сама в свою очередь прикрывала тебя. Ты синий флаг видел?

– Видел.

– И что он значит?

– Отступление.

– Вот именно. Поэтому будь добр в следующий раз не бросать своих, – на этом слове я сделал упор, – воинов на убой. Нам не надо держаться за германскую землю. Раз за разом повторяю одно и то же: ударили – и отскочили, налетели – и растворились в лесах. За вами сунутся, а там арбалетчики и лесовики Лайне.

Князь поморщился:

– Усвоил.

Я повернулся к Славуте, который вот уже полтора года был полноправным начальником варогов:

– Теперь по датскому молодняку. Я решил, кто возглавит варогов.

– Кто?

Мох уже понял, что я скажу. Не зря же на совет приглашён его приёмный сын, которым он очень дорожил.

– Варогов поведёт в бой Торарин.

Юноша, встряхнув рыжими кудрями, привстал и поклонился:

– Благодарю, вождь. Я не подведу.

А старик недовольно проскрипел:

– Ему же всего семнадцатый год пошёл...

– Ничего, – оборвал я Славуту, – Святослав Игоревич в его годы уже тысячные дружины в походы водил, а Торарин с варогами два года бок о бок трётся и знает всех как облупленных. Да и они твоего воспитанника за своего держат. А чтобы парни не забывались, поставим к ним опытных десятников.

– Как скажешь, – кивнул Славута, а я спросил:

– Ко мне какие-нибудь вопросы есть?

– У меня имеются, – откликнулся атаман Болдырь. – Нам запас подков и ухналей для похода нужен. Подковать лошадей мы и сами сможем, дело не хитрое, а кузнецы лишнего не дают. Опять же кожа нужна для ремонта сёдел и уздечек, да стремяна с подпругами.

– Гаврила, – посмотрел я на Довмонтова, – обеспечить.

– Сделаем, – кивнул главный интендант Рарога.

Следующий вопрос задал Ранко Самород:

– Что по огненным смесям? Мне отдельный десяток в сотне делать, который с ними возиться станет, или всех воинов обучать?

– Сегодня я с твоей сотней буду, так что это отдельно обсудим.

Самород понял меня правильно. Чёрные клобуки и дружина Берладника хоть и свои, но наёмники, а значит, при них некоторые вопросы обсуждать не стоит. Ладно, вароги, наёмники до сих пор не понимают, кто это такие, а «греческий огонь» – военная тайна, хотя крестоносцы, как сообщает агентура волхвов, будут иметь запас огненных смесей и потянут его в Венедию в одном из королевских обозов Людовика Седьмого.

Больше вопросов не было, и совет был распущен. Командиры отправились к своим отрядам и сотням, а я присоединился к Самороду, и вместе с ним пошел на берег моря, где его варягам предстояло штурмовать одну из каменных башен. Время уходило, словно вода сквозь пальцы, и нам следовало торопиться. Каждая тренировка – это чья-то спасённая жизнь и мёртвые крестоносцы. Поэтому у воинов впереди ещё один трудный день. Они будут бегать, прыгать, драться и штурмовать стены. А я стану за этим наблюдать и делать из всего увиденного выводы, которые завтра выльются в новые замечания и приказы.

Глава 6

Верхняя Саксония. Весна 1147 от Р. Х.

Поздним весенним вечером в переполненную таверну «Дядюшка Мартелл» на окраине Гамбурга вошёл нарядный рыцарь в новом щегольском плаще с красным крестом на спине и золотой цепью поверх бархатного тёмно-коричневого камзола. Это был Седрик фон Зальх, который последние несколько месяцев провёл при дворе короля Конрада Третьего и вновь вернулся на службу бременского архиепископа Адальберта. Он оглядел просторное полутёмное помещение таверны, буквально забитое воинами Крестового похода против славян, и направился к угловому столику, за которым разглядел своего друга Людвиг фон Уттенхайма, в распоряжение которого должен был поступить.

Молодой воин Господа, заслоняя свет, навис над покрытым объедками и грязной посудой широким дубовым столом. Людвиг, который явно был нетрезв, находился в компании нескольких суровых наёмников. В левой руке он держал большую деревянную кружку с пивом, а правой прижимал к себе дородную деваху в латаном сером платье с большим вырезом на груди. Седрик, зная своего товарища не один год, не ожидал, что Уттенхайм может вести себя подобным образом: пить с простолюдинами и опускаться до общения с женщиной из отбросов общества. Нет, Зальх не был ханжой, поскольку уже успел повидать жизнь с самых разных сторон, хотя и не утратил некоторых романтических взглядов на жизнь, привитых ему в детстве. Просто молодой рыцарь запомнил старшего товарища опрятным и набожным воином-католиком, коему доверял сам архиепископ Бремена, и верил, что существуют идеальные рыцари, на которых стоит равняться. Уттенхайм был одним из таких людей, поэтому Седрик был несколько обескуражен.

Людвиг заметил, что над ним повисла тень, и воспринял это как угрозу. Он оттолкнул от себя пьяную смеющуюся шлюху, которая свалилась под стол, и схватился за меч. Его собутыльники, воины конного архиепископского отряда, тоже взялись за оружие и начали вставать. Однако когда Людвиг поднял взгляд, то сразу же узнал Зальха, выпустил рукоять клинка и расплылся широкой пьяной улыбкой, воскликнув:

– Седрик! Наконец-то ты снова с нами! Парни, это мой друг! Всё хорошо! Гуляем дальше!

Наёмники опять опустились на лавку. Гулящая девка, что-то бормоча, проползла под столом, с трудом поднялась, обиженно фыркнув, оправива свой неказистый наряд и скрылась среди посетителей заведения. Зальх проводил грязную распутную бабу, главным достоинством которой была выдающаяся грудь, осуждающим взглядом, поморщился и, сев рядом с Уттенхаймом, поприветствовал его:

– Здравствуй, Людвиг. Я только что из Бремена. Меня прислали к тебе в отряд.

– Я этому рад, Седрик. – Мутным взором рыцарь оглядел стол, взял пустую кружку, из глиняного кувшина налил в неё мутного пива, поставил перед Зальхом: – Давай выпьем.

– Давай, – согласился Седрик.

Рыцари в пару больших глотков заглотили дрянное пиво, и Уттенхайм сказал:

– Рассказывай, Седрик, что видел, где побывал и каково быть при дворе нашего доброго и доблестного короля Конрада Гогенштауфена.

– При дворе хорошо, – улыбнулся юноша. – Много благородных рыцарей, красивых утончённых дам в роскошных нарядах и звонкоголосых менестрелей. Постоянно проводятся турниры, и приходят самые свежие новости со всей Европы. В общем, живи и радуйся, если есть титул, владения и деньги. Или глотай слюни, коли в кошельке пусто.

– Наверное, нашёл там себе даму сердца?

Седрик слегка смутился, вспомнив прекрасную юную девушку, которую несколько раз встречал при дворе, и кивнул:

– Да.

– И что, провел с ней ночь-другую?

– Нет. Я беден, а она богата и из очень знатного рода. Поэтому я втайне считаю её своей дамой сердца, а девушка о моих чувствах даже не догадывается.

– Почему?

– Мы не пара. Поэтому мне остаётся пока лишь мечтать о ней и надеяться, что военная кампания против венедов принесёт мне достаток, и тогда я смогу сказать девушке о своих чувствах.

– Ну и кто же эта прелестница, пленившая твоё сердце?

Зальх покосился на воинов, которые продолжали пить и разговаривать о чём-то своём, наклонился к уху Людвига и прошептал:

– Гертруда, дочь Конрада, маркграфа Мейсенского.

– Нелёгкая добыча, – покачал головой Уттенхайм. – То есть ты зря провёл время при дворе короля?

– Не то чтобы зря. Я неоднократно встречался с королём и герцогом Фридрихом Швабским, которые расспрашивали меня о неудачном походе Фридриха Саксонского...

– А-а-а! – Людвиг опустил на стол кружку и поморщился: – Всё это чушь, мой юный друг. Полнейшая чушь. Даму себе не завёл, богатства не нажил и влиятельного покровителя, насколько я понял, у тебя не появилось, иначе ты не вернулся бы к архиепископу. Верно всё говорю?

Юноша помедлил и кивнул:

– Всё так.

– Значит, твоя прогулка не принесла тебе ничего, кроме растрат и разбитого сердца. Я прав?

– Наверное...

– И ты, – Людвиг обвёл вокруг себя рукой, указывая на толпящихся в таверне воинов, – подобно всем этим бродягам надеешься взять у венедов немного их добра и покрыть себя великой славой?

– Конечно. А ещё хочу поквитаться с язычниками за наше прошлое поражение.

– Ну-ну, – усмехнулся Уттенхайм, – дерзай.

Воины архиепископа некоторое время молчали. Хозяин трактира лично принёс рыцарям ещё один кувшин пива и блюдо с жареными бараньими рёбрышками. Но есть Зальху не хотелось, и он продолжил разговор:

– Людвиг, а чем мы должны заниматься?

– Тем же, чем и всегда, мой юный друг, станем выполнять приказы архиепископа.

– Это понятно. Но мне интересно, что именно предстоит делать и когда будет первое дело?

– Дела хочешь? Оно будет. Завтра мы отправимся в Данию.

– Зачем?

– Не знаю. Все приказы исходят от Улекса, а он молчит. Сказал только, чтобы утром отряд был у северных ворот и готов к походу в Данию. Думаю, придётся сопровождать к викингам священнослужителей, которые вчера приехали в Гамбург. Мне это не нравится, но приказ есть приказ. Поэтому сегодня я и пью, вдруг это в последний раз?

– А что в этом задании опасного? Дания недалеко, и до вала Данневирке, если поторопимся, доскачем за пару дней. Потом вернёмся, присоединимся к войскам Крестового похода и пойдём на венедов.

– Не всё так просто, Седрик. Что ты видел, когда въезжал в город?

– Видел, что Гамбург переполнен. Воины в городе, за стенами и во всех близлежащих деревнях. Строятся склады с продовольствием и формируются обозы, как осадные, так и продовольственные.

– Ха! Ты видишь то же самое, что и большинство молодых рыцарей, хотя уже не новичок. А я в первую очередь заметил, что у нас нет никакой организации. Официально нами должен руководить Генрих Лев, но этого восемнадцатилетнего сопляка до сих пор нигде не видно, то ли у короля совета просит, то ли у себя в родовом замке отсиживается. Вот вокруг и неразбериха. Каждый день в город приходят новые отряды. В окрестностях уже больше сорока тысяч воинов, а единого руководства как не было, так и нет. А венеды, мой друг, тем временем сами перешли в наступление. Так что как бы моему отряду не попасть под удар противника. Вот что меня смущает. Завтра в дорогу, а что впереди, неизвестно. С севера от берега Венедского моря приходят только слухи о сожжённых деревнях и замках, а все отряды, которые туда отправляются, исчезают.

– А куда смотрят власти Гамбурга?

– Им не до того. Архиепископ постоянно проповедует, а его отряды охраняют священников и принадлежащие церкви земли. Городская стража и бургомистр пытаются обеспечить безопасность местных жителей, которые уже боятся выходить на улицу и мечтают о том, чтобы крестоносцы поскорее покинули их славный город. А нашим доблестным имперским дворянам вообще ни до чего нет дела. За стенами Гамбурга они раскинули шатры, ведут себя, словно разбойники с большой дороги, да и между собой дерутся. В общем, если в ближайшее время не появится тот, кто возглавит все силы, которые скопились в Гамбурге и вокруг него, плохо нам придётся. Впрочем, может быть, в других местах, где собираются крестоносцы, дела обстоят лучше и бардак творится только у нас.

– Наверное, так и есть, – сказал Седрик. – Когда я покидал королевский двор, то слышал, что Конрад собирает свои войска в Хильдесхайме и там царит порядок. Альбрехт Медведь назначил местом своей ставки Магдебург, а Конрад Церингенский будет наступать от Бардовика.

– А насчёт франков что слышно?

– Они уже вышли и начнут своё наступление на венедов через земли лужичан и Бранденбург.

– Да-а-а... – протянул Уттенхайм. – Силища собирается против язычников огромная. Но нам с тобой это пока ничего не даёт. Завтра в путь-дорогу, и я уверен, что мы обязательно встретимся с вражескими летучими отрядами.

– Ничего, – ухмыльнулся Седрик, – если язычников будет много, оторвёмся, а мелкую группу порубим на куски.

Уттенхайм нахмурился. Опытный рыцарь успел отвыкнуть от своего молодого друга, который, на его взгляд, был чересчур честен и горяч. Но он решил больше ничего не объяснять Седрику, а спровадить его из таверны, чтобы он не мешал ему отдыхать.

– Кстати, а где твои вещи и лошадь? – спросил юношу командир.

– Оставил на заднем дворе, – ответил Зальх.

– Её же украдут.

– Там мой оруженосец.

– Вот как, у тебя появился оруженосец? – удивился Уттенхайм.

– Да, шваб Танкред Фельбен, чрезвычайно серьёзный шестнадцатилетний юноша. Прилип ко мне при дворе короля. Вот я его с собой и взял.

– Понятно. Только ты зря паренька одного оставил, и тебе лучше отправиться в расположение отряда. Там сейчас за старшего десятник Мильх, ты его должен помнить. Так что ступай, Седрик, отдохни с дороги и смени свою парадную одежду на походную.

– А ты останешься здесь?

- Ага! Посижу ещё немного.
- Тогда до завтра?
- Да, Седрик. Утром встретимся.

Зальх покинул таверну и вместе с оруженосцем отправился в отряд Уттенхайма, расположившийся на одном из постоянных дворов неподалеку. Старый десятник Мильх, опытный воин и очень набожный человек, встретил Седрика с радостью, ибо уважал его за серьёзность взглядов и ровный подход к жизни. Он определил рыцаря и оруженосца на постой, и ночь для Седрика прошла спокойно.

Утром Зальха разбудил сам командир, который был совершенно трезв и готов к походу, хотя тёмные круги под глазами рыцаря свидетельствовали, что в таверне он просидел долго. Седрик и Танкред позавтракали, собрали свои вещи, упаковали их в походные сумки, и вскоре отряд Уттенхайма, а это полсотни профессиональных головорезов преимущественно из Фландрии и Франконии, выступил в путь.

Возле северных ворот Гамбурга воинов уже ожидали священнослужители, Максимилиан Улекс и пять монахов-цистерцианцев в сопровождении десятка рыцарей-тамплиеров. Доверенное лицо архиепископа Адальберта познакомило Уттенхайма и Зальха с командиром рыцарей храма Соломона благородным Карлом Женье, благословило их, и отряд выехал на дорогу.

Путешествие началось славно. День был тёплым, грунтовый тракт после весенних дождей уже просох, вокруг Гамбурга было спокойно, и сытые лошади легко несли своих седоков на север. В размеренном движении прошло несколько часов. Город давно скрылся из вида, а время перевалило за полдень. Отряд сделал привал в придорожной деревушке, когда в неё влетело несколько всадников, если судить по гербам на одинаковых тёмных плащах, дружинники саксонского герцога Генриха Льва. Лошади воинов тяжело дышали и были покрыты пеной, а седоки постоянно оглядывались назад и держали наготове оружие – пики и мечи. Уттенхайм окликнул их, и дружинники приблизились. Рядом с Людвигом встал Седрик, и почти сразу появился Женье. Командир архиепископского отряда положил руку на свой клинок и, снизу вверх глядя на воинов герцога, строгим тоном спросил:

- Кто старший?

Дружинники, сплошь деревенские мужики от тридцати до сорока лет, замялись, переглянулись, и один из них ответил:

- Ваша милость, а нету старшего, убили его.
- Кто?
- Язычники.
- Эй ты, разговорчивый! Иди-ка сюда, потолкуем.

Воин герцога спешил и, продолжая озираться, приблизился к рыцарям. Поклонившись Уттенхайму, представился:

- Меня зовут Бомм, ваша милость.
- Из какого вы отряда? – спросил Людвиг.
- Лёгкая кавалерия барона Сигурда Плитерсдорфа, его конюхи, которых он послал на войну.

- Кто вами командовал?
- Рыцарь Хайнрих Мероде.
- Расскажи, что с вами случилось.

– Второго дня выступили из Гамбурга. Было велено проехать по дорогам до развалин Ольденбурга и вернуться назад. Только далеко мы не уехали. В нескольких милях от этой деревушки на нас налетели язычники, страшные, в чёрных круглых шапках, на рослых конях и с луками. Рыцаря нашего, Царствие ему Небесное, – Бомм перекрестился, – сразу стрелой

в глаз свалили, и тогда десятники велели отступать. Ну, мы и помчались обратно к Гамбургу. Язычники за нами, и мы от них только перед самой околицей оторвались.

– То есть вы никого из врагов так и не убили?

– Не-а, – мотнул косматой головой кавалерист. – Мы с пиками и мечами, а язычники с луками, будто слепни вокруг вьются. Куда нам супротив них...

– А сколько в вашем отряде было людей?

– Четыре десятка и ещё два человека.

– А язычников против вас сколько вышло?

– Ой, много, ваша милость, не сосчитать.

– Кто-нибудь из вас местные дороги знает?

– Нет. Мы все из-под Мюнстера. У нас проводники были, но никто не уцелел.

– Понятно. Сейчас отдохните, а потом продолжайте путь в Гамбург. Там обо всём доложите своим старшим командирам.

– Это уж как водится, ваша милость. Мы порядок знаем, да и войска графа неподалёку.

Бомм снова суетливо поклонился и отошёл от рыцарей, а Уттенхайм кинул косой взгляд на стоящих в стороне невозмутимых цистерцианцев, затем посмотрел на Женье и Зальха:

– Что скажете, господа?

Первым ответил тамплиер, сухопарый мужчина с несколько болезненным желтоватым лицом и в белом форменном плаще своего ордена:

– Скорее всего, венедов было немного, не более двух десятков, и они нам не противники. Даже если их целая сотня, то я и мои люди не отвернут. У нас есть приказ сопроводить святых отцов в Данию, где они... – Тамплиер осёкся. – Впрочем, это не важно. Мы продолжим путь.

– Я тоже считаю, что венедов бояться не стоит, – поддержал франка Зальх. – Нас больше шестидесяти, а рядом не только патруль, который мы встретили, но и другие наши отряды. Наверняка венеды сами опасаются, как бы им в ловушку не попасть, а иначе они гнали бы беглецов до самой деревни. Правда, осторожность не повредит, поэтому предлагаю всем воинам надеть броню, оружие держать под рукой и немного изменить маршрут. Давайте сделаем небольшой крюк и обойдём место, где лёгкая кавалерия встретила язычников.

Уттенхайм кивнул:

– Принимается.

– Я не против, – согласился с предложением Седрика французский рыцарь.

По команде Уттенхайма воины стали облачаться в броню. Зальх исключением не был и достал своё снаряжение. Он натянул отличную кольчугу с длинными рукавами и капюшоном с мягкой подбивкой, перетянул пояс широким ремнём, на котором находился его превосходный франкский меч, стоявший рыцарю двухмесячного жалованья, надел на голову войлочную шапочку, а глухой стальной шлем с прорезями для глаз и рта повесил на специальное крепление седла рядом с треугольным щитом.

Людвиг фон Уттенхайм отдал новую команду, и отряд, в центре которого находились монахи, оставив деревушку и кавалеристов барона Плитерсдорфа, покинул тракт. Воины двинулись кружным путём, забирая влево, поближе к берегу Северного моря. Они ехали узкими лесными тропами подальше от человеческих поселений, вокруг которых наверняка крутились дозорные группы венедов, и воинам архиепископа везло. День прошёл без приключений, хотя вдалеке над лесом виднелись тёмные клубы дыма, словно это горели германские поселения. Граница Дании приблизилась, и уже к вечеру следующего дня германцы должны были увидеть валы Даневирке, некогда построенные викингами для защиты от саксов.

На ночь были выставлены усиленные караулы, но путешественников никто не беспокоил. Рано утром они немного расслабились, снова выехали на окружённый лесами тракт, и это было ошибкой. Судя по всему, венецы держали дорогу под присмотром на всем её протяжении, и через час после того, как германцы выбрались из лесных чащоб, они обнаружили первого язычника.

– Вижу врага! – прокричал передовой воин и, привстав на стременах, указал рукой вперёд.

Зальх вытянул голову и разглядел на дороге одинокого славянского воина на вороном жеребце. Он был молод, не старше двадцати лет, может, ровесник Зальха, и держался уверенно, подбоченясь, бесцеремонно разглядывая германских кавалеристов и тамплиеров. Одет был в лёгкую кожаную одежду, на голове – лихо заломленная набок круглая чёрная шапка, а из вооружения имел короткий степной лук, который вместе с тулом для стрел висел за спиной, и кривую саблю на боку. С левой стороны седла, где у Седрика находился щит, у язычника приторочена смотанная в кольцо верёвка.

«Странный венец, – подумал Зальх, – никогда таких не видел. Может, прусс или дикарь с востока? Да, скорее всего так и есть».

– Взять его! – услышал Седрик окрик Уттенхайма, и передовой десяток германцев понёсся на одинокого славянина.

Тот остался совершенно спокоен. Он ловко развернул коня, гикнул и, пересекая поляну, понёсся в ближайший лес.

«Уйдёт!» – промелькнула в голове Седрика мысль, и он оказался прав. Славянин, более быстрый и юркий, легко оторвался от погони и скрылся в зелёной листве. Германцы за ним не последовали и вскоре вернулись на тракт.

– Продолжаем движение! – отдал новый приказ Людвиг фон Уттенхайм. – Всем смотреть по сторонам! Впереди немало лесов и дикари могут устроить нам засаду! Прикрывать святых отцов! От строя не отрываться! Всем держаться кучно!

Снова кони германцев и тамплиеров рысью устремились на север. Многие надеялись, что венец случайно возник на пути отряда и они смогут благополучно добраться до места назначения. Но нет, вскоре, преграждая путь, перед католиками снова возник всё тот же всадник. Только на этот раз не один, а с товарищами, которых было пятеро. По команде два десятка конных воинов архиепископа Адальберта опять помчались на врагов, и тут славяне преподнесли германцам неприятный сюрприз. Они достали готовые к бою луки и пустили в наступающих католиков стрелы. Первый же залп достал двух воинов и одну лошадь. Следом второй залп – и ещё три воина на полном скаку вылетели из сёдел. А затем, когда казалось, что католики вот-вот нанижут наглых лучников на свои копья, те рассыпались в стороны и продолжили стрельбу. Стрелы, летучая смерть с гусиным оперением, одна за другой летели в крестоносцев. И прежде, чем язычники, которые не понесли потерь, вновь скрылись в лесах, отряд Уттенхайма лишился ещё троих воинов, и это не считая четверых раненых.

– Дьявол! – подъезжая к Седрику, прорычал командир. – Короткая стычка, а у меня потерян десяток! Хитрые твари эти язычники!

– Точно, – надевая на голову шлем, подтвердил Зальх. – Что будем делать, командир?

– Уйти нам не дадут. Скорее всего, эти стрелки – только застрельщики, которые нас задерживали, и прямого боя противник не примет. Значит, необходимо где-то закрепиться. Рядом, в миле от нас, за лесом есть замок, я там в прошлом году гостил, когда отвозил письмо архиепископа одному из датских священнослужителей. Попробуем за стенами отсидеться, а то нас всех перестреляют.

– А как же наши убитые и лошади?

– К чёрту! Возни много, а враг рядом! Вперёд, Зальх, иначе пропадём!

Седрик пришпорил своего жеребчика из конюшни архиепископа и помчался вслед за Уттенхаймом. Отряд последовал за командирами, и одновременно с началом их скачки над лесом разнёсся клич язычников:

– Гойда!!!

Если судить по голосам, вражеских всадников было несколько десятков, и Зальх понял, что Людвиг был прав, когда говорил, что оставаться на месте нельзя. Седрик прижался к гриве своего коня и сосредоточился только на скачке. Крупное тело жеребца вздрагивало, летя по дороге. Рядом с рыцарем находился его оруженосец, который постоянно оглядывался назад, и Зальх, ловя его испуганный взгляд, даже не оборачиваясь, понимал, что их догоняют. Острые шпоры на его сапогах впивались в бока животного, и конь ускорял бег. Надолго сил жеребца не хватит, но милою он должен промчаться, и Седрик молил Бога, чтобы четвероногий друг не споткнулся и не упал.

Видимо, небесные ангелы продолжали присматривать за молодым рыцарем, которому уже было не привыкать к тому, что он бежит от язычников, и конь под Зальхом хороший. Поэтому вскоре, выскочив из леса, он увидел отличный каменный замок. На донжоне висел рыцарский стяг с неразборчивым гербом, а ворота укрепления были закрыты. Это значило, что замок всё ещё за католиками, и в душе рыцаря появилась надежда на спасение.

– Быстрее! – дёргая за поводья, прокричал он.

Над его головой пролетела стрела. Она вонзилась в спину одного из передовых всадников, и наёмник, раскинув руки, упал. Следом за первой полетели новые стрелы. Их было много, и Зальх боялся оглядываться. Однако он всё же пересилил себя, бросил быстрый взгляд назад и увидел, что германцев преследует полная сотня врагов.

«Не соврал Бомм, – машинально отметил Седрик. – Врагов действительно много».

Конь Зальха, приближая своего хозяина к спасительным стенам, продолжал мчаться. До ворот, которые по-прежнему были закрыты, оставалось всего ничего, один рывок, и тут враги сменили тактику. Обстрел прекратился, а воины, которые скакали справа и слева от Зальха, вдруг стали вылетать из седла. Рыцарь снова обернулся и обнаружил нечто странное. Славяне в чёрных шапках, которые были совсем рядом, на скаку раскручивали над головой верёвки и метали их вслед германцам. Некоторые из них не долетали до католиков и падали наземь, другие разворачивались в воздухе, и петля, имеющаяся на конце каждой, захватывала тело германца. Затем вражеский конник резко останавливался, разворачивался и скакал в обратную сторону, а воин архиепископа вылетал из седла и волочился по земле вслед за противником.

Впрочем, это было мимолётное впечатление. Седрик гнал дальше своего жеребца, который уже устал и едва не валился с ног, и тут Зальх обнаружил, что коварное и нечестное оружие дикарей свалило его оруженосца, за которого рыцарь нёс определённую ответственность.

Стена замка, на которой появились защитники с луками, была уже рядом, и Зальх решил рискнуть. Он резко повернул своего коня вправо, одновременно выхватил меч и, проносясь над Танкредом, перегнувшись с седла и разрубил натянутую волосную верёвку, которая утаскивала того в плен. Тут же язычники пустили в него стрелы, три штуки, и все они попали в рыцаря. Но его защита была хороша. Два метательных снаряда клюнули Седрика в шлем и отскочили, а одна ударила в грудь, но под углом и только слегка порвала кольчугу. Затем в воздух взвились сразу две петли, которых рыцарь не видел. Однако в этот момент он вновь повернул коня, и петли его не схватили. И тут защитники замка стали стрелять во вражеских всадников и ранили двоих. Славяне, видя это, с диким посвистом, подхватили своих товарищей и унеслись обратно к лесу, а Зальх спешился и, с трудом переставляя подрагивающие ноги, подошёл к оруженосцу. Он помог оглушённому Танкреду встать и повёл его к

открывающимся воротам, которые распахнулись лишь после того, как хозяин укрепления узнал Уттенхайма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.